

КАРЕЛЬСКИЕ СКАЗКИ

В сборник вошли карельские сказки для детей дошкольного возраста.
Иллюстратор — Николай Брюханов.

- - [МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ЛИСА](#)
 - [ЛАПОТОК](#)
 - [ОВОД И КОЗЫ](#)
 - [БЕЛКА, РУКАВИЦА И ИГОЛКА](#)
 - [КРАСАВИЦА НАСТО](#)
 - [ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА](#)
 - [ГОЛУБАЯ ВАЖЕНКА](#)
 - [ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЕ СОЛЕНАЯ](#)
 - [НЕВЕСТА-МЫШЬ](#)
 - [СЫН-МЕДВЕДЬ](#)
 - [ЧЕРНАЯ УТОЧКА](#)
 - [ПРЯХИ У ПРОРУБИ](#)
 - [СЕСТРА И ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ](#)
 - [«СУМА, ДАЙ УМА!»](#)
 - [ЦАРЬ ПЕТР И КУЗНЕЦ](#)
 - [КАК ОДИН ПАРЕНЬ ЦАРЯ ПРОУЧИЛ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ЛИСА

МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ЛИСА

Посеяли однажды медведь, волк и лиса рожь. Пospела рожь. Сжали они ее и свезли в ригу. Просушили снопы, стали молотить. А лиса поднялась на колосники^[1], будто бы придерживает их, а сама нет-нет да и сбросит колосник то волку, то медведю на голову. Говорят они лисе:

— Держи, кума-лиса, колосники хорошенько, чтоб не падали!

Лиса отвечает:

— Уж я так стараюсь, так стараюсь, да они не держатся!

А сама нарочно по жердочке роняет.

Обмолотили медведь и волк рожь. Вышло три кучи: в куче поменьше — зерно, в средней куче — мякина, а в самой большой — солома. Стали делить урожай. Лиса говорит:

— Давайте так поделим: меньшому — маленькую кучу, среднему — среднюю, большому — большую.

Так и сделали. Лисе досталось зерно, волку мякина, а медведю солома.

Стали они молотить. У лисы жернов стучит, а у волка и медведя тихонечко шуршит. Волк с медведем и спрашивают:

— Почему у тебя, кума-лиса, жернов стучит, а у нас только шуршит?

Лиса говорит:

— Я как молотить начала, подсыпала песку, потому жернов у меня и стучит.

Подсыпали волк и медведь песку — и у них жернова застучали. Смололи они все и принялись кашу варить. Варят, варят, у лисы каша белая и пытит, а у волка с медведем черная и

не пыхтит. Спрашивают они у лисы:

— Почему у тебя каша белая и пыхтит, а у нас такая черная и не пыхтит? Дай попробовать твоей каши.

— Нет, сперва я вашей попробую.

Взяла лиса немного каши у волка и медведя, положила незаметно в свой котел, с краю, и говорит:

— С этого, с этого краю пробуйте!

Попробовал медведь, говорит:

— Твоя каша не лучше моей.

Медведь-то своей каши отведал!

Попробовал волк:

— Хрен редьки не слаще.

Ему тоже своя каша досталась.

— А почему у тебя каша белей? — не унимаются волк и медведь.

Лиса отвечает:

— Я муку в проточной воде держала, оттого и каша белей.

Собрали волк и медведь мякину и солому, опустили в речку — у них все и унесло.

Вот как их кума-лиса обманула.

Жила когда-то старушка. И было у нее всего добра один лапоток. Пошла старушка по свету. Шла, шла, видит — дом. Зашла она в избу и говорит:

— Нельзя ли у вас переночевать?

— Можно, — сказали хозяева.

— Есть у меня лапоток, куда бы его положить?

— Положи с лаптями, под лавку.

— Не хочу с лаптями, — сказала старушка, — еще спутаю. Положу с курами.

И бросила лапоток к курам.

Утром стала собираться в путь, говорит:

— Была у меня курочка...

Хозяйка удивилась:

— Не курочка у тебя была, а лапоток!

Старушка давай спорить:

— Курочка была, курочка!

И взяла курочку. Пошла дальше.

Шла, шла, смотрит — стоит дом у дороги.

— Пустите ли переночевать?

Пустили ее.

— Есть у меня курочка, где бы ее пристроить?

— Посади к курам.

— Не посажу к курам — можно перепутать. Посажу ее к телятам.

Утром стала собираться, спрашивает:

— Где же мой теленочек?

А хозяйка в ответ:

— Не теленочек, а курочка!

— Теленочек был, теленочек, — спорит старушка.

И взяла теленочка. Шла, шла, видит — дом на пути.

— Пустите на ночь.

— Оставайся.

— Есть у меня теленочек. Куда бы его поставить?

— Поставь с телятами.

— С телятами перепутается. Поставлю с коровами.

Утром стала собираться:

— Где же моя коровушка?

— Не корова у тебя была, а теленочек, — сказала хозяйка.

— Не теленочек, а корова.

И взяла корову. Опять идет, идет, видит — дом. Просит:

— Пустите переночевать.

— Ночуй.

— Есть у меня корова. Где бы ее поставить?

— Ставь с коровами.

— Нет, лучше с лошадьми.

И поставила в конюшню. Утром проснулась и спрашивает:

— Где же моя лошадь?

А хозяин говорит:

— Не лошадь ведь была, а корова.

Старушка свое:

— Лошадь была, лошадь!

Запрягла лошадь, поехала.

Навстречу мышка:

— Подвези меня, тетенька!

— Садись.

Едут, едут, навстречу заяц:

— Тетенька, подвези!

— Садись.

Едут, едут, навстречу лиса:

— Подвези, тетенька!

— Садись.

Едут, едут, навстречу волк:

— Не подвезешь ли, тетенька?

— Подвезла бы, да уж больно много вас набралось. Ну да ладно, садись.

Едут, едут, навстречу медведь:

— Подвези меня, тетенька!

— Лошадь едва и нас тянет.

А медведь все просит:

— Возьми меня. Я одной ногой буду отталкиваться.

Взяла старушка медведя.

Ехали, ехали — оглобля сломалась. Послала старушка за оглоблей зайца. Принес он тоненькую хворостинку — не годится. Пошла лиса. Принесла тонкую веточку — опять не то. Пошел волк. Принес длинное-предлинное деревцо — тоже не подходит.

Медведь принес толстое сучковатое бревно — и оно не годится.

— Придется самой идти, — сказала старушка. — А вы караульте лошадь.

Пока старушка искала оглоблю, звери лошадь съели. Натянули шкуру на жерди. Пришла старушка, сменила оглоблю. Стала понукать — лошадь не идет. Ударила посильней — она и свалилась.

— Пропал мой лапоток, ничего у меня не осталось, — сказала старушка и заплакала.

ОВОД И КОЗЫ

Жил-был мальчик-сирота. Пришлось ему в пастушки пойти, коз пасти.

Гонит он однажды коз мимо ржаного поля. А козы через изгородь перелезли и в рожь. Гонялся, гонялся за ними пастушок, голос надорвал кричавши, а упрямые козы будто назло ему по ржи носятся и топчут колосья.

Сел пастушок на камень и заплакал. Прискакала тут к нему белка. Спрашивает:

— Что ты плачешь, мальчик?

— Не могу коз из ржи выгнать.

— Только-то и горя? Я тебе их мигом выгоню! — сказала белка и поскакала в поле.

Бегала, бегала за козами, из сил выбилась. Села рядом с пастушком и тоже заплакала.

Прибегает лиса. Спрашивает:

— Чего плачете?

— Да вот не можем коз из ржи выгнать.

— Эка беда! Я вам их мигом выгоню!

Бегала, бегала лиса за козами, умаялась совсем, села рядом с пастушком и белкой, тоже плакать начала.

Идет из лесу медведь.

— Что вы тут разревелись? — спрашивает.

— Как же нам не плакать. Никак не можем коз из ржи выгнать.

— Эх вы, мелкота! Так и быть, помогу вашему горю.

Полез медведь через изгородь, сломал ее. Побежал за козами, а те врассыпную. Ревет медведь, кружится по полю, больше чем козы рожь топчет. Вернулся ни с чем. Сел рядом с пастушком, белкой и лисой, тоже заревел.

Летит мимо овод.

— Смешно, — говорит, — такие большие и плачут. Кто вас обидел?

А они хором отвечают:

— Никак не можем коз из ржи выгнать!

— Ну, я вашему горю помогу, — говорит овод.

— Где тебе! — отвечает пастушок. — Я гнал — не выгнал, белка гнала — не выгнала, лиса гнала — не выгнала, медведь — этакий силач — и тот не смог...

А овод как зажужжит:

— Уж я, уж я, уж я выгоню!

Как услышали козы, что овод над ними вьется, так вприпрыжку побежали, через изгородь перемахнули и на дорогу! А овод все над ними кружит и жужжит:

— Уж я, уж я, уж я их!

Пастушок схватил хворостину и побежал за козами. Даже спасибо не успел сказать своим помощникам.

БЕЛКА, РУКАВИЦА И ИГОЛКА

✂ БЕЛКА, РУКАВИЦА И ИГОЛКА ✂

Жили когда-то белка, рукавица и иголка. И пошли они в лес. Смотрят — перед ними три тропинки. Белка — она ведь старше всех была — и говорит:

— Мы по разным тропочкам пойдем, а кто первый находку найдет, тот и остальных позовет. Иголка шла, шла и пенек смолистый нашла, кричит:

Ой, скорее, рукавица,
Вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла
И находку нашла!

Услышали иголку рукавица с белкой, быстро подбежали.

— Вот какой пенечек я нашла! — говорит иголка.

— Хо! Какая же это находка? Да таких пеньков полон лес!

И с досады побили они иголку. А потом вновь по разным тропкам разошлись. Иголка шла, шла и лесную ламбу увидела. Опять она кричит:

Ой, скорее, рукавица,
Вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла

И находку нашла!

Подходят к ней рукавица с белкой:

— Ну, что еще нашла?

Иголка и отвечает:

— Озерко лесное нашла.

Опять попало тут иголке. Рукавица и белка больно ее били да приговаривали:

— Нашла находку — озерко!

И опять все в разные стороны разошлись, по разным тропкам разбрелись.

Подходит иголка к болоту и видит: олени траву щиплют.

Иголка подкралась к самому большому оленю и спряталась в травинке, что на кочке перед оленем росла. Олень проглотил ее вместе с травой и упал замертво. Тут выскочила иголка да как крикнет:

Ой, скорее, рукавица,
Вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла
И находку нашла!

А рукавица с белкой в ответ:

— Нет уж, хватит! Ей лишь бы за нос нас водить. Верно, опять пенек нашла.

Второй раз зовет иголка:

Ой, скорее, рукавица,
Вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла
И находку нашла!

А рукавица с белкой в ответ:

— Не обманешь! Видно, опять на ламбу набрела.

Третий раз зовет иголка:

Ой, скорее, рукавица,
Вместе с белочкой-сестрицей!
Я по тропке шла
И находку нашла!

Тут подходят наконец к ней рукавица с белкой.

— Ну, какая еще находка?

— Я оленя нашла.

А олень на кочке мертвый лежит.

Рукавица с белкой давай иголку по головке гладить — больно уж хороша находка. Разделали

они оленя и мяса сварить надумали, да вот беда — котелка у них нет. Иголка и говорит белке:

— У тебя коготки острые, надери-ка бересты, мы из нее котелок смастерим и мяса наварим.

Принесла белка бересты.

Иголка прошила бересту — и котелок готов, можно мясо варить.

— А ведь у нас воды нет, и взять ее негде, — говорят рукавица с белкой.

А иголка отвечает:

— Как негде? Да я же ламбу нашла! Там воды хватит.

Сбегала рукавица по воду.

— А у нас и дров нет, чтобы огонь развести.

Иголка говорит:

— Так я пенек смолистый нашла!

Стали они варить.
Вот сварилось мясо, наелись они досыта, а остатки домой прихватили.
Верно, и теперь еще едят, если запас не вышел.

Жил когда-то в одной деревне парень. Женился он на девушке, издалека привез ее к себе домой. Дружно стали жить, но молодая жена что-то грустная ходит. Муж и говорит ей:

— О чем ты все тоскуешь?

Она ему отвечает:

— Хорошо мне с тобой, да дом родной забыть не могу, оттого и тоскую.

Муж ей верит и не верит: в жизни не знал тоски. А жена нет-нет и вздохнет украдкой, глаза невеселые. Захотелось мужу испытать, что это такое — тоска по дому, говорит жене:

— Пойду-ка я в чужие края, наймусь в работники, поживу и посмотрю, есть ли на свете тоска или нет.

И ушел в далекие края, нанялся в работники к одному купцу. Дал ему купец новые сапоги и сказал:

— Я тебя возьму в работники с таким условием: будешь служить у меня до тех пор, пока эти

сапоги не износишь.

Долго ли сапоги износить! Согласился молодой муж и стал на купца работать. Работает, работает, а сапоги все как новенькие. Много ли, мало ли времени прошло, стало ему тоскливо на чужой стороне. То жену вспомнит, то дом родной. Смотрит на сапоги: не износились ли? Куда там! Все такие же, как в первый день.

Шел он как-то с поля, соху на плече нес. Идет навстречу человек. Смотрит — земляк! Обрадовался мужик, про все спрашивает: и про жену, и про дом, и про то, про се. Даже соху не догадался на землю опустить. Вот что значит земляка встретить!

Пришел в дом купца, задумался: «Вот и мне довелось узнать, что такое тоска по дому. Правду жена говорила».

Прожил он у купца много лет. А сапогам износу нет.

Шел он однажды лесом, смотрит — избушка. Постучался, дверь открыл, видит — сидит в избе старушка. И спросил он у старушки:

— Не знаешь ли, бабушка, что это за сапоги на мне? Из какой кожи сшиты? Восемнадцать лет ношу их, а они все не изнаются!

Говорит ему старушка:

— Сапоги твои не простые, а заколдованные. Но я тебе дам совет. Как придешь домой, к хозяину своему, такними сапоги и брось их незаметно в печку. А утром достань. Они сгореть не сгорят, да зато быстро изнаются. Тогда и службе твоей у купца конец.

Так и сделал мужик. Сапоги в печку бросил, утром достал, только обулся — они враз и развалились.

Пришел он к хозяину:

— Ну, хозяин, сапоги мои истрепались. Теперь срок мой кончился!

Делать нечего, дал ему купец расчет и домой отпустил. Идет он домой, ног под собой от радости не чувствует.

А день был жаркий, и начала его жажда мучить. Вдруг увидел ручей. Нагнулся, чтобы попить, а водяной вцепился ему в бороду и не пускает.

Взмолился мужик:

— Батюшка водяной, отпусти ты меня! Я дома восемнадцать лет не был!

А водяной его за бороду держит и говорит:

— Не отпущу, покуда не обещаешь отдать мне то, чего дома у себя не знаешь!

Обрадовался мужик: эка задача, да он дома у себя, поди, все знает. И пообещал водяному то, чего дома не знает.

Водяной его отпустил, он и пошел домой.

Приходит домой, а жена его с дочкой встречает. Не знал мужик, не ведал, что пока у купца служил, жена ему дочку родила — красавицу Насто.

Пока он на чужбине был, Насто выросла и невестой стала. Да такой красивой, что ни в сказке сказать, ни пером описать: ни в верхнем, ни в нижнем мире, ни на земле, ни в подводном царстве такой не сыщешь:

По локоть руки в золоте,
По колено ноги в серебре,

На макушке ясно солнышко,
На височках яркие звездочки,
На каждом волоске по жемчужине!

Обрадовались жена и дочь, от счастья не знают, куда мужа, куда отца посадить, чем угостить!

А он сидит невесел: ведь дочь свою единственную водяному обещал!

Как остались муж с женой вдвоем, жена его и спрашивает:

— Что это ты, муженек, невесел? Тебе бы радоваться, что на родину вернулся, домой пришел, а ты печален!

Он ей все и рассказал.

— Вот отчего я печален. Как нагнулся я в дороге дальней к ручью воды напиться, так водяной меня за бороду схватил. «Обещай, говорит, что отдашь мне из дому то, чего и сам не знаешь!» Откуда мне было знать, что ты дочку родила? Я и обещал.

Заплакала жена и сказала:

— Чему быть, того не миновать. Только своими глазами видеть, как водяной нашу дочь любимую со двора уведет, я не могу. Давай уйдем пораньше из дому, а Насто оставим здесь. Без нас беде быть — все легче жить.

Ушли отец с матерью ночью из дому. А красавица Насто одна осталась.

Утром встала — дома нет никого. Вышла Насто во двор, а там одна коза старая бродит. Обняла девушка козу и заплакала.

Коза ей и говорит:

— Не плачь, Насто, не горюй. Лучше запряги меня, в санки соломы положи, а сама в ней заройся.

Запрягла Насто козу, сама в соломе зарылась. И пошла коза, санки повезла куда глаза глядят.

Едут они — вдруг навстречу толпа водяных идет. Спрашивают у козы:

— Красавица Насто ждет ли нас?

— Ждет, ждет! — отвечает коза. — Столы накрыты, самовары кипят, свечи горят.

Пошли водяные дальше своей дорогой, побежали к дому, где Насто жила, а коза с девушкой тем временем далеко ушла.

Приехали в одну деревню, вылезла Насто из соломы. Попросилась в дом переночевать. Люди глаз оторвать от Насто не могут. У нее:

По локоть руки в золоте,
По колено ноги в серебре,
На макушке ясно солнышко,
На височках яркие звездочки,
На каждом волоске по жемчужине!

Прослышал о ней царский сын, сам в ту деревню прискакал.

Понравилась ему девушка, полюбилась. И решил он на ней жениться.

А Насто сказала ему:

— Ты мне люб, царевич, и согласна я за тебя замуж пойти, но обещаю только, что никогда ты меня с козой моей не разлучишь. Где я буду, там и она должна быть. Где я стану есть, пить, там и старая коза эта чтобы пила и ела.

Царевич сказал:

— Пусть по-твоему будет. Для тебя что хочешь сделать готов!

Увез царевич красавицу Насто во дворец и козу с ней вместе взял. Стали они жить-поживать.

Вот прошло времени столько, а может, еще больше, родила Насто сына красоты необыкновенной, под стать ей самой.

Прослышала о том колдунья Сюоятар, старухой обернулась, пришла во дворец в няньки наниматься.

А царевич-то не знал, кто она, взял ее в няньки.

Повела нянька красавицу Насто с ребенком в баню. А баня-то на берегу озера стояла. Подвела к воде и крикнула:
— Эй, водяные! Вот она, обещанная, возьмите ее!
Только вымолвить успела, поднялись из воды руки, схватили красавицу Насто и утянули под воду.

А вместо нее Сюоятар свою дочь во дворец привела. Увидел царевич Сюоятарову дочь безобразную, подумал:
«Была моя жена красавицей, а как сына родила, видно, некрасивой стала!»
А ребенок день и ночь без матери родной плачет. Да что ребенок — сады цвести перестали, цветы завяли, птицы умолкли.
Невлюбила дочь Сюоятар старую козу красавицы Насто. Говорит царевичу:
— Уберите ее прочь с глаз моих! А еще лучше зарежьте!
Диву дается царевич: что с женой стало? То в козе своей души не чаяла, только что за стол не сажала, а тут зарезать просит.
Сказала коза слугам царским:

— Вы не режьте меня, слуги добрые! Сперва пустите в поле широкое, на зеленый лужок попасть, а уж потом убивайте.

Пожалели слуги царские старую козу, отпустили ее в поле широкое, на зеленый лужок попасть. А коза на берег озера пришла и крикнула:

— Водяной, отпусти красавицу Насто! Позволь мне на прощание ей хоть слово сказать!

Привязал водяной к ноге Насто золотую цепь, отпустил красавицу на берег. Обняла Насто свою старую верную козу, и заплакали они обе. А потом сказала коза:

— Пришла я с тобой, Насто, прощаться. Зарежут меня скоро!

Поплакали бы они еще, да водяной потянул за цепь, и скрылась Насто под водой.

Пришла коза домой в печали глубокой.

А Сюоятарова дочка опять говорит:

— И чего ее держат, козу шелудивую! Зарежьте ее!

Повели слуги козу резать, а она им и говорит:

— Слуги, слуги, погодите меня резать! Отпустите меня, старую, перед смертью в поле широкое, на зеленый лужок попасть!

Пожалели ее слуги, отпустили в широкое поле, на зеленый лужок погулять, попасть.

А царевич-то все удивляется, никак в толк не возьмет: вчера жена в козе души не чаяла, а сегодня резать просит. Почуял он что-то недоброе, тайком за слугами пошел, а как они козу отпустили, за ней прокрался, посмотреть хотел, куда коза ходит, для чего отпустить просится. Спрятался за камнями и стал ждать.

Подошла коза к воде и крикнула:

— Водяной! Отпусти красавицу Насто на бережок! Позволь мне ей три слова сказать!

Вышла красавица Насто на берег, золотой цепью звенит. Обняла старую козу, и обе заплакали. А потом коза сказала:

— Прощай, моя ненаглядная Насто! Зарежет меня сегодня Сюоятарова дочка!

Только сказала, потянул водяной золотую цепь и утащил красавицу Насто в озеро. А коза на берегу осталась плакать.

Подошел к ней царевич и сказал:

— Не плачь, коза верная! Иди спокойно домой, а я за тобой следом приду.

Идет царевич вслед за козой, думает, как ему жену спасти, а Сюоятар с дочкой вместе со света сжить.

Пошел в кузницу, отковал молот себе по руке — большой, тяжелый.

Наутро козе сказал:

— Иди, коза, в широкое поле, на зеленый лужок! — А сам следом пошел.

Пришла коза на берег, крикнула:

— Водяной, водяной! Отпусти красавицу Насто в последний раз со мной повидаться, перед смертью моей попрощаться!

Вышла красавица Насто на берег, золотой цепью звенит. Выскочил тут из-за камня царевич, молотом так хватил, что разлетелась цепь золотая на мелкие куски.

Сказал красавице Насто:

— Жена моя любимая! Я тут, твой муж!

Кинулась к нему Насто, заплакала:

— Не будет нам жизни, не видать нам счастья! Ты меня освободил, а злая Сюоятар все равно погубит!

А царевич сказал ей:

— Об этом не печалься — я знаю, что делать.

Пошли они вместе домой. Царевич жену и козу ее верную в амбаре спрятал. Сам пошел,

приказал слугам баню затопить, а под порогом ее котел с кипящей смолой в землю врыть да тропку от дома до самой бани красным сукном устлать.

Когда все готово было, зашел во дворец и сказал Сюоятар и ее дочери:

— Суббота сегодня, пора в баню идти. Все готово уже, баня истоплена. Пожалуйте обе по красному сукну к жаркому полку!

Пошли Сюоятар с дочкой в баню. Идут по красному сукну, вышагивают, головами во все стороны вертят, смеются:

— Хе-хе! Ха-ха! Только нам такая честь — по красному сукну да к банному полку!

Только порог бани перешагнули, провалились и упали обе в котел с кипящей смолой. Там и сварились.

А царевич с красавицей Насто зажили счастливо. Тут бы и сказке конец, да что-то загрустила Насто, затосковала. И повез ее царевич в далекие края, туда, где ее родители жили — отец с матерью. Только подъехали, а родители их у дороги встречают.

Насто и говорит:

— Или вы ждали меня, или не ждали?

А отец ей отвечает:

— Как не ждать, доченька, коли знал я, что нет силы сильнее, чем тоска по дому родному.

Обнялись они и на радостях заплакали.

Вот и сказка вся.

ОЛЬХОВАЯ ЧУРКА

Давным-давно жили старик со старухой. Некому было их старость покоить — не было у них ни сына, ни дочери. Пошел как-то старик в лес дрова рубить. А старуха и говорит:

— Вытесал бы ты, старик, из ольховой чурки мне куклу. Я бы ее вместо ребенка в колыбели качала, коли своих детей качать не привелось.

Пошел старик в лес и целый день тесал из ольховой чурки куклу. Принес старик куклу домой, сделал колыбельку. Старуха спеленала деревяшку, как ребенка, уложила в колыбель, стала качать и песни колыбельные ей петь.

Три года качала старуха ольховую чурку. Однажды утром стала она хлебы печь. Слышит — колыбель сама закачалась, застучала по половицам. Оглянулась: в колыбели сидит трехлетний мальчик и раскачивается. Спрыгнул он на пол и говорит:

— Испеки мне, мать, хлебец, я есть хочу!

Старуха так обрадовалась, что не знает, куда сына и посадить, чем его накормить.

Спрашивает сын:

— А где же отец?

— Отец поле пашет.

— Я пойду ему помогать, — говорит матери мальчик.

Пришел на край поля, кричит:

— Здравствуй, отец, я пришел тебе помогать!

Старик остановил лошадь, посмотрел и говорит:

— Кто меня отцом кличет? У нас же нет сына.

— А я, Ольховая Чурка, которую мать три года качала. Теперь я ваш сын. Скажи, что мне делать.

Смотрит старик: перед ним стоит молодец, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать!

— Ну, коли ты мне сын, помогай. Надо сделать изгородь, чтобы медведи у нас овес не травили.

Пошел старик обедать, а Ольховая Чурка остался поле городить. Такую изгородь из толстых деревьев сделал, что зайцу под нее не пролезть, птице через нее не перелететь. А проход на поле

не догадался оставить. Вернулся старик, увидел это, только головой покачал. А вечером старухе сказал:

— Силы у парня много, а что толку: такую изгородь сделал, что теперь и на поле не попадешь.

За всякую работу с охотой принимался Ольховая Чурка, но вполсилы работать он не умел. Вот и вышло, что не столько пользы от его помощи, сколько хлопот.

Ольховая Чурка и сам понял это. Однажды утром и говорит он старухе:

— Испеки, мать, мне подорожников. Пойду по белу свету бродить, может, где моя сила и пригодится.

Всплакнула старушка, а Ольховая Чурка взял с ее плеч красный платок, привязал к жерди под потолком и сказал:

— Когда с этого платка кровь закапает, тогда и ищите меня.

И пошел. Шел близко ли, далеко ли, видит: сидит на утесе на берегу озера человек и удит. Удилище — толстенная сосна, леска — якорная цепь, а вместо крючка — якорь.

— Вот это силач так силач! — сказал Ольховая Чурка.

— Что ты, добрый человек! Разве я силач? Говорят, есть на свете Ольховая Чурка — так тот всем силачам силач! — говорит Удильщик.

Смолчал Ольховая Чурка, не сказал, кто он.

— Пойдем вместе белый свет смотреть, — говорит он Удильщику.

Пошли вдвоем. Шли близко ли, далеко ли, слышат грохот. Смотрят: стоит человек, высоко над головой скалу поднял. Как бросит скалу на скалу, так обе и разлетаются на куски.

— Эй, добрый человек, что ты делаешь? — кричат ему Ольховая Чурка и Удильщик.

— А я не знаю, куда силу девать — просто так тещусь.

— Вот это силач так силач! — говорит Ольховая Чурка.

— Что ты, разве же я силач? Вот, говорят, есть на свете Ольховая Чурка — тот всем силачам силач! — отвечает Скалолом.

Опять ничего не сказал Ольховая Чурка о себе.

— Пошли вместе по белу свету бродить, — говорит он Скалолому. — Может, где наша сила и пригодится.

Идут втроем. Шли близко ли, далеко ли, стало вдруг смеркаться. И чем дальше идут, тем темнее становится. Удивились путники: ведь только что было утро, почему же среди бела дня ночь наступила? Идут они, идут — совсем темно стало, как в осеннюю ночь. Видят впереди что-то ровное, словно море, а на берегу не то город, не то крепость — в темноте-то не разобрать.

У самой крепостной стены стояла бедная избушка, в которой жила старая вдова. Зашли в нее путники и спрашивают:

— Что это за земля, где среди бела дня ночь наступает?

— Ох, сыночки! Уже три года не видим мы ни солнца, ни месяца, ни зари. Один злой человек проклял солнышко, потому что жгло его сильно, вот девятиглавый змей и похитил солнце. Другой злодей месяц проклял, потому что мешал он ему воровать и темные дела творить. И шестиглавый змей похитил месяц. А третий дурной человек зарю утреннюю проклял: лентяй был, так заря, видишь ли, ему спать мешала по утрам. Трехглавый змей и унес зарю.

— А нельзя ли этому горю помочь? — спросил Ольховая Чурка.

— Ох, сынок, — говорит старая вдова, — есть у нашего царя волшебный напиток: слабые его и пить не могут — обжигает как огонь. Вот если бы кто смог три чаши этого напитка выпить, тот освободил бы зарю, кто бы выпил шесть чаш — освободил бы месяц, а кто бы девять чаш осушил — тот и солнце бы освободил... Только нет таких силачей у нас.

— А не попробовать ли нам? — говорит Ольховая Чурка.

Пошли они к царю.

А было у царя свое горе великое. Трехглавый змей, который зарю утреннюю унес, потребовал старшую дочь царя на съедение.

Принесли тот волшебный напиток огненный, налили первую чашу. Удильщик взял и выпил ее до дна — не поморщился. Налили другую чашу — выпил, и третью выпил. Скалолом шесть чаш выпил, а Ольховая Чурка — все девять до дна осушил. Разнеслась весть по округе: нашлись богатыри, которые могут зарю, месяц и солнце освободить!

Попросили Удильщик, Скалолом и Ольховая Чурка им мечи сковать: первому трехпудовый, второму шестипудовый, а Ольховой Чурке девятипудовый меч. Взяли они мечи и пошли к старой вдове.

Наступил вечер, когда трехглавый змей должен был выйти из моря за старшей дочерью царя. Привели слуги девушку на берег и на камень усадили. Приходит Удильщик и говорит ей:

— Когда змей будет из моря выходить, разбуди меня.

Положил он голову царевне на колени и крепко заснул. Прошло сколько-то времени, всколыхнулось море раз, другой, третий. Царевна начала Удильщика трясти, а он не просыпается. Вот уже голова змея показалась над водой. Тут у царевны от страха сил прибавилось, встряхнула она Удильщика что было силы! Он вскочил, схватил свой трехпудовый меч и пошел на змея. Увидел змей молодца и говорит:

— Ху-ху, человеческим духом пахнет! Хотел одну съесть, а пришли двое.

— Раньше времени не радуйся! Сперва поборемся, — говорит Удильщик.

— Коли ты такой сильный, то выдохни, чтоб здесь железное поле было, где нам биться, — говорит змей.

— Зачем тебе, толстобрюхому, железное поле? Я и на песке тебе головы отрублю.

И стали они биться. Снес Удильщик змею голову, другую, а третью отрубить не может. Крикнул он:

— Смотри, дом твой горит!

Оглянулся змей, тут Удильщик и третью голову отрубил. Царская дочь подарила ему свое именное кольцо, и отправился Удильщик к старушке вдове, где его ждали товарищи.

А утром рано люди проснулись — на небе утренняя заря сияет.

Но скоро опять потемнело. Пошел Ольховая Чурка с товарищами по городищу гулять. Узнали они, что шестиглавый змей требует среднюю дочь царя.

Настал вечер. Теперь пришел черед Скалолому идти со змеем биться. Приходит он на берег моря, а средняя дочь царя уже там сидит на камне, слезами заливадается. Подходит к ней Скалолом и говорит:

— Не горюй, девушка, авось все обойдется. Я тут немного посплю, а ты жди, когда змей будет подниматься. Тогда меня разбуди. Если не проснусь, то уколи меня булавкой.

Положил Скалолом голову царевне на колени и заснул крепким сном. А царевна глаз не спускает с моря. Вот всколыхнулось море раз, другой, третий. Стала царская дочь тормошить Скалолома, а тот никак не просыпается. Вот уже море четвертый раз всколыхнулось и в пятый, а царевна все не может разбудить своего спасителя. Вспомнила наконец о булавке, уколола руку Скалолома. Тот мигом вскочил на ноги и схватил свой шестипудовый меч.

Вышел из воды шестиглавый змей и говорит:

— Ху-ху! Человечьим духом пахнет. Хотел одну съесть, а пришли двое! То-то ужин добрый

будет.

— Раньше времени-то не хвались! Давай сперва силами померяемся, — говорит Скалолом.

— Ну, коли ты такой сильный, так выдохни, чтоб здесь медное поле стало, где нам биться, — говорит змей.

— Зачем тебе, толстобрюхому, медное поле? Я и на песке тебе головы поотрубая.

И пошел Скалолом на змея. Бились, бились они, отрубил молодец змею голову, вторую и третью, но змей не поддается. Уже четвертая, пятая голова скатились на песок, а у змея будто и силы не убавилось. Никак не может Скалолом шестую, последнюю голову одолеть. Пошел на хитрость, крикнул:

— Смотри-ка, змей, дети твои на тебя дивуются, что ты безголовый стал!

Змей оглянулся — и шестая голова на песок скатилась. И тут из моря выплыла луна, которую змей на дно морское упрятал. А царевна на радостях подарила своему спасителю именное кольцо. Пошел Скалолом к старой вдове, где его дожидались Удильщик да Ольховая Чурка.

Пошли утром товарищи по городищу гулять: народ ликует, как в великий праздник. Но не успели люди вдоволь нарадоваться, как разнеслась молва: сам девятиглавый змей требует на съедение младшую дочь царя.

Настал вечер, привели царские слуги царевну на берег моря, на камень усадили. Сидит она на камне и горько плачет. Подходит к ней Ольховая Чурка и говорит:

— Раньше времени, девушка, не горюй! Я немного посплю, а как начнет змей выходить, ты меня разбуди. Если не добудишься, то вынь мой нож из ножен и ткни меня в руку.

Положил голову на колени девушке и заснул. Мало ли, много ли времени прошло, всколыхнулось море раз, другой, третий... Царевна давай молодца будить, тормошить, а Ольховая Чурка все спит. Всколыхнулось море в четвертый, в пятый раз, волны до неба взметнулись, а она все не может его разбудить. Вот уже в восьмой раз вздыбилось море, огненные полосы пробежали по гребням волн. Тут царевна вспомнила о ноже и ткнула острием Ольховую Чурку в руку. Когда море в девятый раз вздыбилось, он уже был на ногах. Вышел из воды девятиглавый змей, увидел Ольховую Чурку и говорит:

— Ху-ху! Сам Ольховая Чурка ко мне на ужин пришел! Это как раз по мне!

— Хвастливые речи только слабосильным говорить, — отвечает Ольховая Чурка. — Лучше без лишних слов к делу приступить!

— Ну, коли таким сильным себя мнишь, так выдуй серебряное поле, — говорит змей.

— Для чего тебе серебряное поле? Твоим головам и на песке мягко будет лежать, — говорит молодец.

И пошел Ольховая Чурка прямо на змея. Не успел змей опомниться, как полетели у него три головы с плеч. Уже четвертая, и пятая, и шестая головы на песок скатились, а змей все не

поддается. Вот уже седьмую голову Ольховая Чурка отрубил, а последние две никак не может одолеть. Но вот и восьмая голова покатилась. Тут уж и Ольховая Чурка стал уставать. И не отрубить бы ему последней головы, если бы не придумал хитрость.

— Смотри, змей, солнышко из моря выходит! — крикнул Ольховая Чурка.

Змей оглянулся. Тут Ольховая Чурка и девятую голову ему отрубил.

Младшая царевна выбежала из-за камня, взяла Ольховую Чурку за руку и стала звать во дворец. Но он велел ей одной идти, а подарок ее — именное кольцо — спрятал в карман.

Ольховая Чурка пошел к избушке старой вдовы и лег спать. Разбудили его радостные крики с улицы.

— Почему там кричат, чему радуются? — спрашивает Ольховая Чурка.

— Э, родимый, — отвечает старушка вдова, — ты все спишь и про то не ведаешь, что солнышко ясное встало. Три года мы солнца не видали — как же тут не радоваться! Один только Ольховая Чурка на свете мог убить девятиглавого змея и освободить солнце. Хоть бы одним глазом на него взглянуть!

Удильщик и Скалолом поглядывают на своего товарища: может, он и есть Ольховая Чурка?

Вышли все трое из избушки, пошли по городищу гулять. Говорят люди трем товарищам:

— По всему царству ищут трех силачей, которые освободили утреннюю зарю, месяц и солнышко ясное да еще избавили царство от страшных змеев. Царь обещал каждому из этих молодцев в жены ту царевну, которую тот спас. А еще обещал царь поделить между ними полцарства и половину сокровищ.

Три дня прошло, а те молодцы никак не объявляются. На четвертый день приходят царские слуги в избушку старой вдовы и говорят:

— У тебя какие-то три чужестранца живут. Царь приказал им явиться во дворец.

Передала вдова трем товарищам царский приказ.

— Ну что ж, раз велено, так надо идти, — говорит Ольховая Чурка. — Только надо нам нарядиться как следует. Нет ли у тебя, хозяйка, какой-нибудь рваной одежды?

Принесла вдова из подклети рваную одежду, молодцы натянули ее на себя и стали похожи на нищих бродяг. Так и пошли в царский дворец. Не пускают их слуги — не место нищим в царских палатах. Тогда Ольховая Чурка и говорит:

— Позовите сюда младшую дочь царя.

Пришла царевна, Ольховая Чурка вынул из кармана ее именное кольцо и говорит:

— Признаешь ли свое кольцо, царевна?

Тут царевна вскрикнула от радости и бросилась Ольховой Чурке на шею. Слуги диву даются! А царевна отстранила слуг и сказала:

— Они победили змеев!

Пришли они в ту палату, где был царь с царицей и своими дочерьми. Разгневался было царь — зачем впустили бродяг, — но младшая дочь подошла к царю и все рассказала. Тут и Удильщик и Скалолом показали свои кольца, и старшие дочери царя признали в них своих спасителей.

Что же оставалось делать царю — хоть и не по вкусу пришлись ему женихи, а свадьбу надо справить: не к лицу царю изменять своему слову.

Но тут заговорил Ольховая Чурка:

— Не надо нам ни царства, ни дочерей твоих, царь. Об одном только просим: дай нам, царь, добрых коней и немного припасов, чтобы доехать до родной стороны.

Обрадовался тут царь и щедро наградил молодцев. Только младшая дочь царя опечалилась: по душе ей пришелся Ольховая Чурка.

И отправились три товарища в обратный путь.

Едут они, едут, вдруг видят: стоит в лесу избушка, а из нее какие-то странные голоса слышны. Слез Ольховая Чурка с коня и обернулся горностаем. Вскрабкался на поленницу, что стояла у стены избушки. Слышит голос:

— Вот едут убийцы моих сыновей! Думают скоро дома быть. Да не уйти им от меня!

Ольховая Чурка тут догадался, что это мать тех змеев, Сюоятар.

— А что ты им сделаешь? — спрашивает другой голос.

— А напущу на них такой голод, что они совсем сил лишатся. А возле дороги накрою столы со всякой едой. Но как только они присядут к тем столам, тотчас умрут. Откуда им знать, что стоит лишь ударить трижды мечами по столам, как исчезнут эти столы, а вместе с ними и голод.

— А если они догадаются? — спрашивает кто-то.

— Если на этот раз они спасутся, — говорит Сюоятар, — то я напущу на них такую жажду, что они от слабости с коней валиться будут. А возле дороги я наколдую озеро, и берестяные черпаки тут будут — только пей! Станут молодцы пить — тут им и смерть. А догадайся они мечами три раза по воде ударить, пропало бы озеро и жажду их как рукой бы сняло. Ну а если они и на этот раз спасутся, то есть у меня про запас третья хитрость: напущу на них такой сон,

что они с коней попадают. А у самого края дороги три кровати поставлю.

Как улягутся на них молодцы, тут и сгорят. На этот раз меч им не поможет. Хитрее всех Ольховая Чурка, но если он эту тайну вслух выскажет, то навеки с белым светом распрощается.

Выслушал это Ольховая Чурка, побежал от избышки горностаем, потом обернулся снова человеком. Идет к своим товарищам, задумался крепко, опечалился. А Скалолом и Удильщик начали его расспрашивать, что за люди в избышке живут, о чем говорят.

— А, пустое дело, — отвечает Ольховая Чурка, — какие-то бабы всякую всячину болтают.

Поехали они дальше. Проехали немного, и напал на них такой голод — хоть ложись и умирай. И тут же, откуда ни возьмись, появились у дороги столы со всякой едой. Не успели Скалолом и Удильщик руки протянуть, чтобы взять по куску, как Ольховая Чурка ударил своим мечом три раза по столам, и они пропали. Рассердились товарищи:

— Не дал нам поесть! А еда такая хорошая была.

Ничего не сказал Ольховая Чурка, но все вдруг заметили, что голод у них прошел.

Едут дальше. Проехали сколько-то, и напала на них такая жажда, что прямо умирают они от слабости. А у самой дороги вдруг озеро появилось, и берестяные черпачки на берегу положены.

Не успели товарищи Ольховой Чурки с коней слезть, чтобы напиться, как тот ударил по воде три раза мечом, и озера как не бывало. А у путников и жажда прошла.

Едут дальше. Напал на них такой сон, что вот-вот с коней свалятся. И показались у края дороги три кровати с перинами и подушками пуховыми — только спи, отсыпайся. Соскочили Скалолом и Удильщик с коней, хотели было броситься на кровати. Тут Ольховая Чурка, не помня себя, закричал:

— Пойдите! Если вы ляжете на эти кровати, то погибнете!

Рассердились товарищи на Ольховую Чурку, разгневались не на шутку:

— Что ты нам ни есть, ни пить, ни спать не даешь? — говорят они. — Ты как хочешь, а мы ляжем — нет сил больше ехать.

Видит Ольховая Чурка, что не послушаются они, а как сделать, чтобы заколдованные кровати исчезли, не знает.

— Погодите, послушайте, что я вам скажу, — говорит Ольховая Чурка. — Эти кровати Сюоятар наколдовала. Если вы ляжете на них, то сгорите. Вы бы давно пропали если бы не я. Про это колдовство я от самой Сюоятар слышал, когда ходил к той избушке...

Только успел сказать эти слова, как превратился в ольховый чурбан. Погоревали тут Удильщик и Скалолом, погоревали, но что делать? Поехали они дальше своей дорогой.

В это самое время в доме старика и старухи с того красного платка, который Ольховая Чурка перед уходом к жерди привязал, кровь закапала. Испугалась старуха, запричитала:

— Беда случилась с моим сыночком, которого я три года в колыбели качала!

Собралась старуха сына искать, из беды выручать. Старик уговаривает:

— Куда ты, старая, пойдешь? Может, ему вороны глаза уже выклевали, кости звери лесные растаскали? Только сама пропадешь.

Но не послушалась старая, собрала в кошель еды и вышла на дорогу, еще до солнышка. Спрашивает старушка у зари утренней:

— Золотая зоренька, скажи, не видела ли моего сына, Ольховую Чурку?

— Нет, — говорит зоря, — не видела. Спроси у моего братца месяца, он высоко в небо поднимается и всюду заглядывает, может, он видел.

Идет старушка день до самой ночи. Взошла полная луна. Старушка спрашивает:

— Месяц ясный, скажи, не видел ли сына моего, Ольховую Чурку?

— Нет, — говорит месяц, — не видел. А ты лучше спроси у старшего брата солнышка, от его глаз ничего не скроется.

В полдень солнце высоко поднялось. Спрашивает старушка у солнца:

— Солнышко светлое, скажи, не видало ли ты сына моего, Ольховую Чурку?

— Знаю я, где Ольховая Чурка. Он меня от змея девятиглавого освободил, а я вот его беде помочь не могу.

И рассказало солнышко, где и как найти Ольховую Чурку. Приходит старушка на ту лесную опушку, увидела деревянную куклу, узнала сразу, припала к ней и запричитала:

— Сынок мой единственный, ненаглядный, что с тобой приключилось? На кого ты меня, старую, покинул?

Плачет старушка над Ольховой Чуркой. Упала слеза горячая на деревянную куклу — ожил Ольховая Чурка, вскочил на ноги — молодец молодцом, как и раньше был!

— Долго же я спал! — говорит Ольховая Чурка.

— Век бы спал, сынок, если бы не я, — отвечает мать.

Вернулись мать с сыном домой. Старик им сильно обрадовался. Стали они жить не тужить. Может, и нынче еще Ольховая Чурка со стариком и старушкой живет, а может, опять пошел дело себе по плечу искать. Как знать?

ГОЛУБАЯ ВАЖЕНКА

Жили когда-то муж с женой и дочерью. Однажды потерялась у них в лесу черная овца. Отправились мать с отцом ее искать. Разошлись в разные стороны, идут, кличут овцу. Вдруг навстречу жене — Сюоятар. Говорит:

— Плюнь в мои ножны^[2], обойди вокруг меня три раза — найдется твоя овца.

Женщина обрадовалась, плюнула в ножны, обошла вокруг Сюоятар три раза и сама превратилась в черную овцу. А Сюоятар той женщиной обернулась и кричит:

— Эй, муженек, я уже нашла овцу!

Пошли домой, а муж ничего не замечает. Привели овцу, заперли в хлев.

Дочь сразу заметила — это не ее мать. Хоть и похожа на нее, а глаза неласковые, злые. Пошла девушка в хлев, на овечку глянула — глаза, как у родной матери! Заплакала она. Овца и говорит:

— Ах, доченька, превратила меня Сюоятар в овцу, а сама мое место заняла. Пои ты меня из

чистого ковшика, корми хоть корочкой хлеба. Не могу я пойло пить.

Стала дочь чаще в хлев ходить, поить мать из чистой посуды, поесть ей приносит что-нибудь получше. Сюоятар видит, что овца пойло не пьет, говорит мужу:

— Совсем перестала эта черная овца есть и пить, надо ее убить, не то околеет.

Дочь услышала это, прибежала в хлев, кинулась матери на шею, плачет-заливается:

— Хотят тебя, маменька, убить.

А мать ее утешает:

— Ничего не поделаешь, доченька. А когда меня будут резать, приходи с отцом в хлев, возьми в платочек три капли моей крови и закопай этот платочек под окном.

Поплакали они вместе, попрощалась дочь с матерью и ушла домой. Утром отец засобирался овцу резать, наточил нож, а дочь следом за ним в хлев. Заплакала, просит отца не убивать овцу. Отец и сжалился, не убил. Вернулся в избу, повесил нож на гвоздь. На второй день Сюоятар разворчалась, отправляет мужа снова в хлев. Дочь опять побежала за отцом, просит его оставить овцу в живых. Не мог отец устоять перед дочерью, так и вернулся в избу. Сюоятар злится. На третий день отправляет мужа, наказывает, чтобы не возвращался, пока не убьет овцу. Опять побежала дочь следом, заплакала, но ничто уже не помогло. Зарезал отец овцу. Подложила дочь платочек, взяла три капли материнской крови, закопала под окном, как мать наказывала. И выросла на том месте белая береза.

Тем временем родила Сюоятар дочь. Еще больше невлюбила она падчерицу.

Жили они так сколько-то времени. Однажды царь решил устроить у себя пир. Надо царевичу невесту выбрать. Слуги царские созывают людей:

— Люди добрые, приходите к царю на бал. Здоровые пусть сами придут, хромые — на коне приедут, слепые — на лодке приплывут.

Сюоятар засобиралась на бал. Дочь свою прихорашивает, а падчерице говорит:

— Тебе на бал нельзя идти, работы много. Да и надеть-то тебе, замарашке, нечего.

А сама разворотила печь и наказывает, чтобы к их приходу печь была на месте, как прежде. Ушли они, а девушка не знает, как за дело приняться. Пошла к тому месту, где платочек закопала, села под березой, плачет. Вдруг услышала она голос матери:

— Что ты, доченька, горько плачешь?

— Ах, матушка, ушли все на царский пир. Сююятар разобрала печку и наказала к их приходу поставить на место. Если не сделаю, так меня убьют. А как я печку поставлю?

Мать и говорит:

— Отломи от березы ветку, ударь крест-накрест, скажи: «С маминого благословеньица, стань, печь, как прежде стояла».

Дочь так и сделала. Приходит обратно к березке, радостная. Мать спрашивает:

— Не хочется ли тебе, доченька, на царский пир-бал?

— Как же не хочется, да ведь у меня никакой одежды нет, только сарафан холщовый, что на мне.

Тут появился конь: один волос золотой, другой серебряный, а третьему и названия нет. Мать велит дочке в одном ухе умыться, в другом одеться и ехать на бал.

Приезжает девушка на царский двор, там слуги ее встречают, коня привязывают к золотому столбу. Как вошла она в палаты царские, так все кругом засветилось, будто солнышко из-за тучи выглянуло. Царевич как посмотрел на нее, так и глаз не может отвести. Весь вечер вокруг нее ходит, только с ней танцует.

А дочери Сюоятар за столами не видно — не пустили ее в палаты. Сидит она в передней избе на лавке около печки. Кухарка ворчит: «Ходят тут всякие, побираются, не сидится дома!» Стала чугуном доставать из печи ухватом, да черенком и ударила дочь Сюоятар — у той шишка огромная вскочила над глазом.

А девушка уже домой засобиралась. Захотелось царевичу узнать, кто она такая и откуда приехала. Решил он на хитрость пойти: велел слугам дверной косяк дегтем намазать, авось что-нибудь прилипнет. Побежала девушка — шапочка с головы и пристала к смоле. Взял царевич шапочку. А девушка выбежала во двор, вскочила на коня и уехала. Только ее и видели.

Вернулась домой, надела свой холщовый сарафан, коров пригнала, убрала в избе и забралась на печь. Приходит Сюоятар с дочкой, та глаз рукой прикрывает, ревет во весь голос.

Девушка спрашивает:

— Что с тобой, чего ты плачешь?

А Сюоятар и говорит:

— Да вот очень уж прыткая, бегала с царевичем по царским палатам, играла и упала, чуть глаз не вышибла себе. Вот и выскочила на лбу шишка. А кто на печи сидит, с тем ничего и не случается.

И рассказывают они, какая красавица на бал приезжала. Девушка говорит:

— Не я ли хоть это была?

— Ты, замарашка, молчи уж там на печи, перебирай золу! Тебя и на порог-то царский не пустят!

На второй день царь опять собирает пир, зовут всех: «Здоровые — пусть сами придут, хромые — на коне приедут, слепые — на лодке приплывут». Сюоятар с дочкой опять пошла. А перед уходом смешала она ячмень, овес и рожь вместе и наказала падчерице все зерно за вечер

перебрать, одно от другого отделить, да еще коров с пастбища пригнать.

Осталась девушка одна, пошла к березе, рыдает. Мать спрашивает, отчего дочь так горько плачет. Девушка в ответ:

— Как мне не плакать, все ушли на пир, а Сюоятар перемешала ячмень, рожь и овес и велела за вечер все перебрать. Где мне успеть?

— Не плачь, доченька, возьми ветку с березы, ударь три раза крест-накрест и скажи: «С маминого благословеньица, отделитесь, зернышки, как раньше были».

Взяла девушка веточку, сделала, как мать наказывала, зерна и отделились. Пошла она опять к березе. Дала ей мать коня: один волос золотой, другой серебряный, третьему и названия нет. Умылась девушка в одном ухе, в другом оделась, стала краше прежнего и поехала на пир. Приезжает к царскому дворцу, а царевич уже поджидает ее, привязывает коня к золотому столбу, берет девушку за руку и ведет в палаты, ни на шаг от нее не отходит.

А дочка Сюоятар опять на кухне сидит, кости перебирает. Ее и близко к царскому столу не подпускают. Кухарка ворчит, в сердцах толкнула чугуном прямо на ногу дочери Сюоятар. Та завывала от боли.

Пир уже к концу подходит, девушке надо домой поспеть. А царевич скобу дверную дегтем смазал, перстень тут и остался. Девушка вскочила на коня и уехала. Переоделась, коров домой пригнала и залезла на печь.

Приходят все с пира. Дочь Сюоятар хромает.

— Что с тобой? — спрашивает падчерица.

Мать говорит:

— Бегала с царевичем, в жмурки играла, упала и ногу ушибла. А кто на печке сидит, с тем ничего не случается.

Давай они рассказывать наперебой, что там было, как приезжала девушка невиданной красоты, и никто не знает, кто она и откуда.

— Не я ли хоть это была? — спрашивает девушка.

— Ты, замарашка! Сиди себе на печи, в золе, и помалкивай, — говорит мачеха.

Ну ладно. На третий день царь опять устраивает пир. Хочется царевичу узнать, что это за девушка, и жениться на ней. Сюоятар опять собирается с дочкой на пир. На этот раз налила она в молоко воды.

— Мы пойдем на царский пир, а ты тем временем отдели молоко от воды. И коров вечером пригони.

Ушли они. Девушка осталась одна, пригорюнилась, пошла на могилу матери: плачет-причитает, свою горькую долю оплакивает. Мать опять и спрашивает:

— Что ты, родная моя доченька, причитаешь, чем тебя обидели?

Рассказала она матери, какую работу оставила ей Сюоятар. Мать говорит:

— Отломи веточку от березы, ударь три раза крест-накрест, скажи: «С маминого благословеньица, отделитесь молоко и вода, как прежде были». И приходи сюда.

Взяла девушка ветку, ударила крест-накрест, как мать ее научила. Молоко от воды и отделилось. Приходит обратно к березе. Мать дает ей коня, краше прежнего. В одном ухе девушка умылась, в другом оделась и поехала на бал. Царевич встречает ее, ведет в палаты, за стол сажает, не отходит от нее.

А дочка Сюоятар опять на своем прежнем месте сидит, злится, что ее не пускают в палаты, Кухарки и слуги ворчат на нее: «Путается тут в ногах, мешает». Одна кухарка схватила ее за руку, оттолкнула в сторону, руку ей и вывихнула. Та опять в слезы.

А девушка на пиру веселится, все ею любуются, и царевич больше всех. Побывала она свое время, опять быстренько в дверь — и убежала. А порог был дегтем вымазан — башмачок к нему

и прилип.

Хочется царевичу найти красавицу, где бы она ни была. На следующий день он собрал всех девушек, чтобы примерить шапку, перстень и башмачок: которой они подойдут, ту он и возьмет за себя замуж. А Сюоятар очень хочется свою дочь за царевича отдать. Обтесала она у ней голову, чтобы шапочка пришлась впору, обстрогала палец, чтобы перстень надеть, обстрогала ногу, чтобы башмак подошел, — все и подошло. Видит царевич — не та это девушка, эдакая дурнушка, да что делать. Слово царское крепко, обещал — надо взять.

Поехал царевич к себе домой с невестой. Плывут на лодке.
А девушка коров на берегу пасет и напевает:

Везет царевич невесту:
Нога у нее обтесанная,
Палец у нее обструганный,
А голова как курик^[3]!

Царевич спрашивает:

— О чем там девушка поет?

А невеста отвечает:

— Да это пастушка. Она с коровами переговаривается, себя забавляет.

Проехали немного, девушка идет по берегу, снова поет:

Везет царевич невесту:
Нога у нее обтесанная,
Палец у нее обструганный,
А голова как курик!

Хочет царевич подъехать к берегу, спросить у пастушки, о чем она поет, да невеста не

пускает:

— Нечего слушать песни пастушки. Она коров ублажает, себя забавляет, делать ей больше нечего.

Поехали они дальше, а с берега снова песня доносится:

Везет царевич невесту:
Нога у нее обтесанная,
Палец у нее обструганный,
А голова как курик!

Не послушался царевич невесты, подъехал к берегу, девушка ему все и рассказала. Он как снимет шапку с невесты — так и есть: голова вся в крови, нога в крови и палец тоже.

Примерил на девушку-пастушку — ей все впору. Взял ее царевич в жены, а дочь Сюоятар бросил в воду.

Но Сюоятар ничего об этом не знает. Думает — ее дочка и есть жена царя.

Вот родила жена царевича ребенка. Сюоятар пошла навестить внука и дочь. Плывет в лодке, смотрит красивый цветок в озере вырос. Подъехала она ближе и хотела сорвать его для внука. А там голос такой тихий: «Что ты, мать, делаешь, чуть сердце мое не вырвала».

Узнала Сюоятар всю правду, оживила она дочь и поехала дальше.

Приходит в дом царевича, ничего не говорит. Истопила баню и там обратила жену царевича в голубую важенку, олениху, и отпустила по вольному свету бегать, а свою дочь во дворец привела. Видит царевич — что-то случилось с женой, вроде и не она это. Да ничего не говорит. А ребенок день и ночь плачет, никто унять его не может — голодный, молока-то нет.

Жили-пожили. А у царя был пастух, коров пас. Сидит он как-то на пеньке, в свой рожок играет. Откуда ни возьмись — подбегает к нему голубая важенка и говорит:

Плачет ли моя ласточка,
Стонет ли моя зоренька?
Печален ли мой господин?

— Я жена царевича, Сюоятар превратила меня в важенку.
Отвечает пастух:

Плачет твоя ласточка,
Стонет твоя зоренька,
И печален твой господин.

Важенка просит пастуха:

— Принеси ты завтра ребенка в лес. Я приду сюда и буду кормить и холить его, пока другие олени в озере купаются... А если не будут давать, так ты скажи: «Раз не можете дома утешить ребенка, дайте мне его в лес. Там под звон колокольчиков, под шорох ветвей, под шепот листочков ребенок, глядишь, и успокоится».

Под вечер бежит стадо оленей — мимо пробежали, бежит второе стадо — тоже мимо, третье стадо побежало — и голубая важенка с ними убежала.

На следующий день пастух пришел в царские палаты и говорит:

— Дайте мне ребенка в лес, я понянчу его там, раз он у вас все время плачет.

— Дома не можем успокоить, где уж тебе, — говорят ему.

— А вы дайте, там под звон колокольчиков, под шорох ветвей, под шепот листочков, может, дитя и успокоится.

Дали ему, авось и вправду утешит. Приносит пастух ребенка в лес и кличет:

Важенка, голубонька,
Иди дитятко кормить,
Свою ягодку поить!

Оно у Сюоятар не ест,
У злой ведьмы не пьет,
Из рожка не сосет!

Важенка прибежала, сбросила с себя оленью шкуру, превратилась в женщину, взяла ребенка на руки, кормит его грудью, а сама плачет, и смеется от радости. Накормила, ребенок успокоился, заснул. Целый день мать нянчилась, играла с ним, ласкала его.

Вечером отдала ребенка пастуху, сказала, чтобы и завтра принес. Накинула на себя шкуру и побежала за третьим стадом оленей.

Ребенок дома всю ночь проспал спокойно, не плакал. Царевич удивился, задумался.

Утром пастух опять просит ребенка.

— Дайте мне его в лес на день. Там под звон колокольчиков, под шорох ветвей, под шепот листочков дитя и успокоится.

Сюоятар не хотела давать ребенка, да царевич ее не послушался. Приходит пастух в лес,

зовет важенку:

Важенка, голубонька,
Иди дитяtko кормить,
Свою ягодку поить!
Оно у Сюоятар не ест,
У злой ведьмы не пьет,
Из рожка не сосет!

Прибегает важенка, сбрасывает шкуру, берет свое дитя на руки, кормит его, убаюкивает, песенки поет. Целый день провела с ребенком. Жаль ей уходить, да надо. Отдала ребеночка пастуху и говорит:

— Принеси его еще завтра, в последний раз. А потом уж я прийти не смогу, уходит наше стадо в другие края, за далекие моря.

Накинула на себя шкуру и побежала свое стадо догонять.

Пастух принес ребенка домой, ребенок ночь спит без просыпу, не плачет, не беспокоится. Царевич уже не на шутку встревожился: тут что-то неладно! Решил он сходить к старушке вдове, что она скажет, она ведь все знает. Приходит к ней и говорит:

— Вот у меня ребенок все плакал, плакал, ничем унять не могли, а как стал пастух брать его в лес, так две ночи спит, голоса не подает. Что за чудо?

— Вот что, царевич, — говорит старушка, — не мудрено, что ребенок успокоился, уже два дня он сосет материнское молоко. Ведь твою жену Сюоятар обратила в голубую важенку, а женой у тебя ее дочь. Вот важенка-мать и кормит ребенка в лесу. Ты завтра опять дай ребенка пастуху, сам иди за ним следом и спрячься. Важенка прибежит, сбросит шкуру, станет ребенка кормить. А ты в это время шкуру сожги. Как только шкуру сожжешь, жена сделается мертвой, но ты не пугайся. Там направо есть скала, под скалой два родничка — в одном мертвая, в другом живая вода. Ты принеси этой воды, побрызгай сначала мертвой водой, потом живой, она и оживет. Только так ты спасешь свою жену, не то она на всю жизнь останется важенкой.

На третий день царевич с радостью отдал ребенка пастуху, а сам пошел за ним следом. Приходит пастух в лес, зовет:

Важенка, голубонька,
Иди дитятко кормить,
Свою ягодку поить!
Оно у Сюоятар не ест,
У злой ведьмы не пьет,
Из рожка не сосет!

Смотрит царевич — бежит важенка, что есть силы несется. Прибежала, сбросила шкуру, взяла ребенка на руки, села на пенек и начала кормить и ласкать его. Царевич так и обмер — точно, его жена! Подкрался он, взял шкуру и бросил в костер. Женщина чувствует — гарью пахнет:

— Кто мою шкуру сжег, тот меня погубил! — и упала мертвая.

Царевич побежал к скале, зачерпнул из одного родничка мертвой, из другого живой воды. Побрызгал мертвой водой, потом живой — ожила жена, встала, обрадовалась, да ненадолго.

— Зачем ты меня спас, все равно Сюоятар погубит!

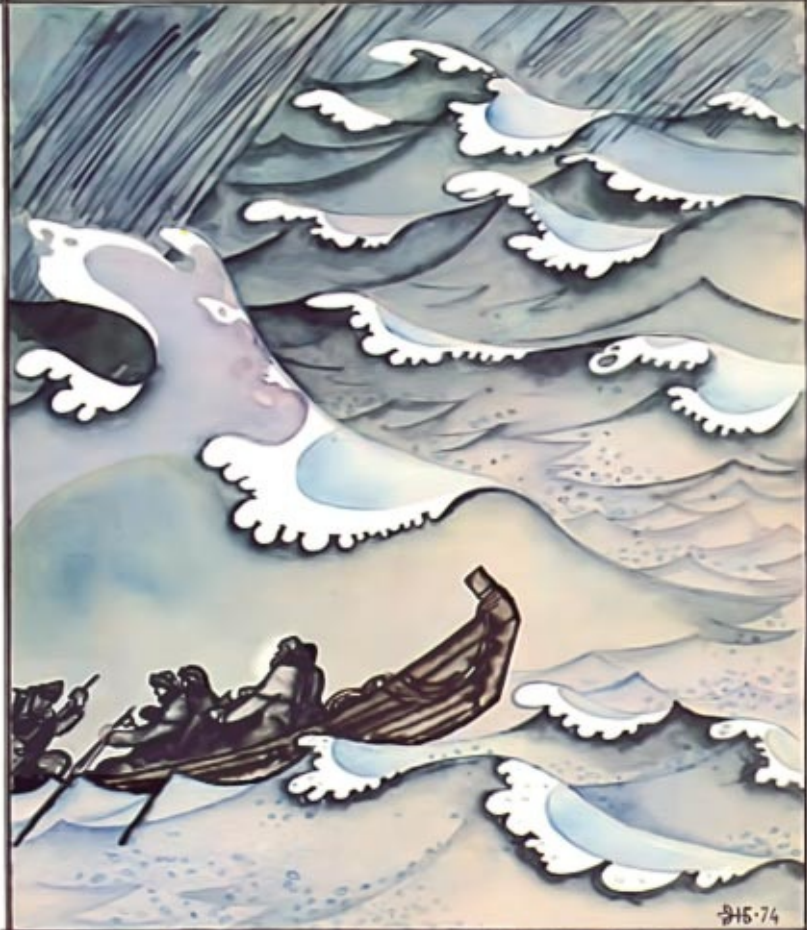
— Не погубит, ей недолго жить осталось!

Привел он жену с ребенком домой. А Сюоятар с дочерью в смоляной яме сожгли.

И стал царевич жить счастливо со своей женой и ребенком.

ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЕ СОЛЕНАЯ

215-74

ПОЧЕМУ ВОДА В МОРЕ СОЛЕНАЯ

Жили два брата — богатый и бедный. Настал Новый год, а у бедняка в закромах пусто, нечем детей накормить. Пришлось ему волей-неволей идти к богатому брату просить о помощи.

— Дай мне, брат, ради праздника немного мяса в долг, — говорит бедный брат.

Ничего не сказал богатый брат, принес коровью ногу и швырнул ее бедняку.

Поклонился тот, стал благодарить. А богач разозлился, досадно ему, что пришлось мясо отдать, крикнул:

— Получил и проваливай! Иди с этой коровьей ногой хоть к самому Хийси^[4]!

Взял бедный брат мясо, а сам думает: «Делать нечего, раз брат велел, придется идти к Хийси. Только где я его найду?»

Идет он, идет по лесной тропинке, слышит — топоры стучат. Подошел поближе, смотрит — дровосеки работают.

Спрашивает их бедный брат:

— Скажите, дровосеки, не знаете ли вы дороги к Хийси?

— Знать-то мы знаем, только идти к нему не советуем. А зачем он тебе?

— Да надо бы вот коровью ногу снести.

Дровосеки говорят:

— Иди от поленницы к поленнице — это мы для Хийси дров нарубили, — так и дойдешь до его избышки. Только возьми с собой березовое полено. А зайдешь в избу, руки ему не подавай, протяни полено, иначе без руки останешься. А если он будет предлагать тебе награду, то не бери ничего, попроси у него только ручной жерновок, который он всегда за спиной носит. На всю жизнь счастье добудешь.

Поблагодарил бедняк дровосеков за добрый совет и пошел дальше. Наконец пришел к избышке Хийси. Заходит, смотрит — сидит старый Хийси на печи, а за спиной у него жернов. Поздоровался бедный брат, а Хийси руку ему с печи протягивает:

— Здравствуй, гость!

Бедняк протянул ему березовое полено. Схватил Хийси полено и так сжал, что из полена вода закапала.

Бедняк говорит:

— Вот я тебе коровью ногу в подарок принес. Получай!

Обрадовался Хийси:

— Все сулят мне подарки, только никто не приносит. Разве что с собаками что-нибудь пошлют. А собаки, известное дело, дорогой сами все съедят. А ты сам подарок принес, и за это я тебя награжу. Чего ты хочешь, золота или серебра?

— Не надо мне ни золота, ни серебра, — говорит бедный брат. — А коли наградить меня хочешь, дай мне этот жерновок, что у тебя за спиной висит.

Закряхтел старый Хийси, жалко ему с жерновом расставаться.

— Не хотел я его никому отдавать, — говорит, — но раз ты пришел ко мне с подарком, так и быть — бери. Только помни — жернов этот не простой: он намелет всего, что ни прикажешь.

Взял бедняк жернов и пошел домой. Идет, радуется. Как раз к празднику успел. Зашел в избу и говорит:

— Ну-ка, жернов, намели нам угощенья к праздничному столу!

И жернов замолот. Полетели из-под жернова и каравай хлеба, и калитки, и пироги — столько всего, что на столе не умещается. Никогда в доме бедняка не было такой вкусной еды.

Дети бедняка наелись, повеселели, на улицу побежали. Встречает их богатый брат и спрашивает:

— Что это вы такие сытые да веселые стали? Еще недавно из дому не выходили, от голода подыхали, а теперь вон как резвитесь.

— А отец к Хийси ходил и принес от него в подарок такой жернов, который намелет все, что захочешь.

Пошел богатый брат к бедному брату и спрашивает, правду ли ему дети рассказали. Бедняк и

говорит:

— Помнишь, дал ты мне коровью ногу и велел идти с ней к Хийси? Я и пошел. А Хийси подарил мне этот жернов — всего намелет, что захочешь.

Позавидовал богатый брат удаче бедняка, говорит:

— Я тебе мясо дал — так теперь ты дай мне жернов ненадолго.

— Возьми, — отвечает бедняк. — У меня теперь всего вдоволь. Мне не жалко.

Принес богатый брат жернов домой и приказал ему молоть. Намолот жернов и муки, и круп, и сахару. Скоро амбары богатого брата стали ломиться от всякого добра — на десять лет хватит, ни сеять, ни пахать не надо.

А у бедного брата припасы к концу подходят. Пошел он к богатому брату жернов обратно взять. А богач не отдает:

— Какой жернов? — удивляется. — Не брал я у тебя никакого жернова. У меня свои есть.

И выгнал бедняка.

А сам на другой день отправился со своими работниками на море рыбу ловить. «Дай, — думает, — жернов с собой возьму, пусть соль мелет. Прямо в лодке можно рыбу засолить, на берег не надо возвращаться».

Целый день ловили они рыбу. Наловили порядком, засолили всю рыбу, задремали от усталости: дело было к ночи. А жернов все мелет и мелет соль. Уже целая гора соли посреди лодки выросла, а жернов знай мелет... Некому его остановить — все спят. Так и пошла лодка ко дну.

И жернов на дно упал и все продолжает соль молоть. И поныне на дне морском мелет. Вот почему вода в море соленая.

НЕВЕСТА-МЫШЬ

Было у крестьянина три сына. Старшего и среднего отец любил, ни в чем им не отказывал, а младшего считал дурачком и во всем его обижал.

Жили-пожили, сыновья стали взрослыми, пришло время их женить. Говорит отец:

— Вот, сыновья, вы уже взрослые, жениться вам пора. Поезжайте, кто куда пожелает, а завтра утром вернетесь и скажете мне, каких невест себе сосватали.

Принарядились старшие сыновья, дал им отец по коню, а младшему ничего не дал. Старшие братья поехали прямо в богатые дома, быстро себе невест сосватали, пригожих да с большим приданым. А младший брат пошел куда глаза глядят, думает: «Кто за меня, горемычного, пойдет, да и одет-то я не как жених!» Шел, шел по тропке, зашел в лес, да потерял тропку. Видит — стоит избушка. Надо зайти, отдохнуть, спешить-то некуда! Зашел, видит: посреди избушки стол стоит, на столе мышка сидит, на гостя глазенки тарацит. Сел парень на лавку, думает: «Подожду хозяев».

Вдруг мышь заговорила:

— Куда, добрый человек, путь держишь?

Удивился крестьянский сын, отвечает:

— Ведь ты мне ни помочь, ни помешать не можешь, зачем тебе это знать?

— А ты скажи, не скрывай, — молвит мышь, — может, я и смогу тебе помочь!

Понравилось парню, что мышь так приветливо с ним говорит, сказал ей правду:

— Жениться мне надо, невесту ищу, — и рассказал, как отец наказал всем братьям найти невест и как отправил их в путь.

— А ты женись на мне! — говорит мышь.

Это показалось парню до того забавным, что он рассмеялся, но как вспомнил свой дом, отца, задумался: «Раз все надо мной смеются, называют дурачком, я и невесту приведу по себе!»
Согласился он жениться на мышке, обручился с ней и вернулся домой.

Собрались все братья. Старший и средний похваляются невестами, а младшему хвалиться нечем. Отец говорит:

— Ну а ты, дурачок, кого сосватал?

— А я в лесу невесту нашел.

— Кого это ты там сосватал?

— А что в лесу есть, то и сосватал.

Не стал он больше ничего объяснять, забрался на печку и лег спать.

На следующий день отец позвал сыновей и говорит им:

— К завтрашнему утру принесите мне хлеб, испеченный вашими невестами. Я посмотрю,

кто лучше печь умеет.

Отправились братья к своим невестам. Старший и средний едут, весело напевая. Младший тоже пошел, хоть и не надеялся ничего получить. «Какой от мышки хлеб! — думает. — Разве что сухую корочку найдет да принесет». Добрался он до избушки, а мышь, его невеста, на столе сидит, словно ждет. Спрашивает она у жениха:

— Зачем пожаловал, мой суженый, не за мной ли приехал?

— Пришел за хлебом. Отец всех нас отправил к невестам, чтобы испекли для него хлеб. Хочет посмотреть, кто лучше печь умеет, — сказал он.

— Не тужи, ложись спать.

Только жених уснул, мышка вышла на крыльцо, позвонила в колокольчик:

— Родичи мои славные, слуги мои верные, собирайтесь все ко мне!

Сбежалось тут мышей видимо-невидимо! Говорит им мышь-невеста:

— Принесите мне каждая свое лучшее пшеничное зернышко!

Мигом разбежались все по норкам, принесли по зернышку, смололи, замесили тесто и хлеб испекли. Утром подает невеста парню хлеб. Обрадовался он, но ничего не сказал, только поблагодарил и пошел домой.

Явились сыновья к отцу в назначенное время, каждый подает ему свой хлеб. У старшего сына хлеб из ржаной муки, у среднего — из ячменной. Раскрывает отец хлеб младшего сына — он такой ароматный, румяный, мягкий — из чистой пшеницы, хоть на царский стол подавай! Удивился отец, но промолчал, не хотел обидеть старших, любимых сыновей. Дает он другое задание:

— Пусть теперь ваши невесты соткут по куску полотна! Я хочу посмотреть, кто из них

лучше ткёт.

Опять идут братья к невестам. Младший глядит уже повеселее, надеется, авось и его мышка что-нибудь придумает. Пришел в избушку, мышка тут как тут. Сказал он ей, зачем на этот раз пришел. Она уложила жениха спать, взяла колокольчик, вышла на крыльцо.

— Родичи мои славные, слуги мои верные, соберитесь ко мне!

Тут сбежалось много мышей, ждут, что она Мышка-невеста говорит:

— Принесите мне каждая свое лучшее льняное волокно!

Мыши юркнули в норки, выбрали волокно, что получше, мигом вернулись к хозяйке. И закипела у них работа: быстро спряли нитки, стали основу сновать, ткать — к утру полотно было готово, да такое белое и тонкое, как паутина. Невеста свернула полотно, вложила в ореховую скорлупку и подала жениху. Парень поблагодарил мышку и отправился домой.

Другие братья уже там с полотном — с большими кусками. Стыдно стало младшему, что у него так мало. Показали старшие — обыкновенное грубое льняное полотно. Младший мешкает. Отец и говорит ему:

— Что же ты не показываешь мастерство своей невесты? Видать, невеста в тебя!

Подает он отцу орех, а братья хохочут. Взял отец орех, раскрыл его, вытащил полотно — оказалось пятьдесят локтей^[5] такого тонкого и белого полотна, какое только у царей, наверно, и бывает! Отец больше прежнего удивился, но не говорит сыну доброго слова.

— Ладно, иди на печку, спи!

Проходит сколько-то дней, опять говорит отец сыновьям:

— Настало время, сыновья, и невест показать. Поезжайте за ними, а завтра утром все будьте

здесь!

Старшие, как всегда, на конях, а младший пешком. Идет и думает: «Вот будет потеха братьям и отцу, как приведу я свою мышку. Теперь-то уж выгонят из дому!.. Ах, лучше по свету скитаться или в той лесной избушке жить, чем терпеть обиды в отцовском доме!» С этими думами входит в избушку и говорит невесте:

— Отец хочет тебя видеть.

— Что ж, поедем! — отвечает мышка.

Запрягла она трех черных мышей в карету из ореховых скорлупок, одну мышь посадила за кучера, сама села в карету:

— Ну вот, я готова, едем!

Поехали. Мышь едет, а парень рядом шагает. Хоть и страшно ему, и стыдно, а чему быть, того не миновать! Надо им через речку ехать, по мосту. Въехала мышь в своей карете на мост, а тут прохожий навстречу идет. Увидел ее, остановился, дивуется:

— Сроду не видал, чтобы мышь в карете ездил! Вот так барыня! — Взял и пнул: и невеста с каретой и упряжка — все полетело с моста в реку.

Парень остановился в смущении, не знает, как и быть, что же он теперь отцу скажет? Сосватал себе мышь, и та утонула. Но не успел он еще с места тронуться, как вдруг вода в реке забурлила и на берег выскочила тройка вороных коней, запряженных в золоченую карету! Выбрались кони на дорогу, кучер осадил их, тройка остановилась. А из кареты выходит девушка невиданной красоты, и во сне ему такая никогда не снилась! Стоит он, будто к месту прирос. А девушка смотрит на него, улыбается и говорит:

— Что же ты стоишь? Садись в карету да вези меня к своему отцу! Ведь это я, твоя невеста.

Ничего не понимает парень, но все-таки сел в карету. Подумал, что это сон. Тут девушка стала ему рассказывать о себе:

— Я дочь короля. Злая Суюятар превратила меня и все наше царство в мышей за то, что я не согласилась выйти замуж за ее сына. И до тех пор я должна была быть мышью, пока не найдется человек, который согласится жениться на мне, и пока меня не сбросят в воду. Ты согласился на мне жениться, а прохожий сбросил меня в реку, и я смогу показаться твоему отцу девушкой.

Счастливый жених подъехал с красавицей невестой, с дочерью короля, к отцовскому дому. Там ждали его, остальные братья с невестами уже были на месте. При виде такой богатой упряжки все опешили. Но когда младший сын подвел свою невесту к отцу — никто глазам своим не поверил, а отец и рта раскрыть не смог. Вот так дурачок, всех одурачил! Тут отцу стыдно стало, что он обижал его, называл дураком. Уж по-другому стал смотреть он на младшего сына. На свадьбе отец спрашивает у него, где он нашел такую невесту. А сын опять и отвечает:

— В лесу нашел.

Хотел отец обозвать сына по привычке дураком, да вовремя спохватился.

После свадьбы младший сын уехал в королевство своей жены, где все уже стало по-прежнему. Там они и сейчас живут в счастье да богатстве, если еще живы.

Жили в старину муж и жена. Прожили они жизнь в любви и согласии, но обидела их судьба: не было у них детей. Однажды говорит жена мужу:

— Мы теперь стары стали, сил мало осталось. Надо нам кого-нибудь вместо сына в дом взять. Стал бы он нас кормить в старости.

Отправился муж сына искать. Идет по лесной тропинке, смотрит — навстречу медведь. Хотел бежать, да сил нет, и решил: будь что будет. Поравнялся медведь со стариком и вдруг человеческим голосом заговорил:

— Куда идешь, дяденька?

— Да вот сына искать пошел...

— Возьми меня сыном, — говорит медведь.

Старик испугался, слова вымолвить не может.

А медведь ему:

— Не бойся, дяденька, я тебя не трону. Если возьмешь, буду тебе добрым сыном, а не возьмешь, иди спокойно своей дорогой.

Старик подумал-подумал: «Странный какой медведь, по-нашему говорит, пожалуй, надо взять». Привел медведя домой. Жена у окошка лен прядет. Муж говорит:

— Смотри, я сына нашел.

Медведь подает старухе лапу: «Здравствуй, мать!» Старушка так испугалась, что без чувств упала. Медведь лапой слегка ударил ее по плечу — она и очнулась. Медведь говорит:

— Не бойся, мать, я вас не трону.

Стали они жить втроем. Каждое утро сын-медведь спрашивает:

— Что надо делать, отец и мать?

Что отец да мать скажут, то и делает. Отец и мать не на радуются. Но вот задумал их сын жениться. Отец и мать и рады бы иметь в доме невестку, да боязно: кто согласится за медведя замуж пойти?

А он говорит:

— Думаю к царевой дочери посвататься.

Вот ведь что придумал! Пытаются отец да мать сына образумить:

— Не отдаст тебе царь свою дочь. Мы — бедные старики, а ты, сын, хоть и хороший и добрый, да на человека-то не похож...

А сын-медведь свое:

— Попытка не пытка, посватаюсь, а там видно будет. Иди, отец, завтра к царю.

На следующее утро взял старик весла и отправился на лодке на другую сторону озера, где царский дворец стоял. Пришел к царю: так и так, мол, мой сын хочет на твоей дочери жениться. Царь было разгневался, а потом решил посмеяться над стариком.

— Что за сын у тебя? — спрашивает он. — Может, он царевич или королевич?

— Мой сын, — говорит старик, — похож на медведя.

Тут уж царь расвирепел.

— Ах вот как! — говорит. — Так пусть прежде выстроит он такой же дворец, как у меня, а уж потом и сватается к моей дочери. А не сумеет дворца построить — за дерзость я вам обоим головы снесу.

Пришел старик домой опечаленный, говорит сыну:

— Я же говорил, не отдаст царь за тебя дочь. Велел он, чтобы ты такой же дворец, как у него, построил. А не сделаешь, так тебе и мне головы снесут.

Сын говорит:

— Оставь заботу на завтра.

Настал вечер. Когда старики уснули, сын-медведь вышел во двор. Первый раз поклонился на север, второй раз — на восход солнца, третий раз — на полдень. Откуда ни возьмись, нашло медведей видимо-невидимо. Обернулись молодцами и спрашивают:

— Что тебе надо, хозяин?

— Чтоб утром на этом месте стоял дворец лучше царского.

А сам вернулся в избу и лег спать. Утром старик и старуха глянули в окно — глазам своим не верят. Давай скорее сына будить:

— Вставай, сын! Посмотри на чудо: за ночь вырос дворец лучше царского!

Сын говорит:

— В этом дворце мы жить будем. Поди, отец, к царю, скажи, что я задание выполнил.

Пришел старик к царю, говорит:

— Исполнил мой сын твое задание. Выдавай за него свою дочь.

Но не так-то просто с царем сговориться. Говорит он старику:

— Пусть твой сын построит через озеро мост. И чтобы были на этом мосту мраморные столбы с самоцветными камнями, птицы-соловьи вокруг пели. Тогда и отдам свою дочь. А не сделает — за дерзость голову отрублю.

Опять пришел отец домой опечаленный.

— Царь задал новое задание, еще труднее. Велел он тебе через озеро мост построить, чтоб на мосту мраморные столбы стояли, самоцветные бы камни на каждом столбе горели и птицы-соловьи бы пели.

Сын говорит:

— Оставь, отец, заботу на завтра.

Наступил вечер. Когда отец с матерью уснули, вышел он во двор. Поклонился раз на север, второй раз — на восход солнца, третий раз поклонился на полдень. Как и первый раз набежало медведей полон двор. Обернулись они молодцами и спрашивают:

— Что тебе, хозяин?

— Надо, — говорит он, — к утру мост через озеро построить с мраморными столбами, и чтобы камни самоцветные горели на каждом столбе да птицы-соловьи бы пели.

А сам вернулся в дом, лег спать.

Встают утром отец и мать, удивляются: отчего это вся изба как будто сияет? Посмотрели в окно — а там мост через озеро проложен и камни самоцветные на мраморных столбах сверкают! Будят они сына:

— Вставай скорее! Смотри, вечером ничего не было, а теперь мост!

— Так и должно быть, — говорит сын. — По этому мосту к царю ездить будем.

Опять приходит отец к царю:

— Мой сын все выполнил, как ты велел. Теперь, верно, можно и свадьбу сыграть?

Задумался царь. Никак от старика не отделаться. Говорит старику:

— Я еще подумаю. Приходи через трое суток, тогда и скажу.

Идет старик домой, не знает, то ли радоваться, то ли горевать. Пришел домой, говорит сыну:

— Царь трое суток подумает, а потом свое слово скажет.

Сын говорит:

— За трое суток много можно выдумать, только все его думы будут напрасными.

Через три дня отец опять пошел к царю:

— Что, царь, надумал? Отдашь ли дочь за моего сына?

— Пусть твой сын сделает такую карету, которая бы сама по земле и по воде ходила, и на этой карете приедет за моей дочерью. А не то — голова долой!

Пошел отец домой, снова голову повесил. Говорит сыну:

— Вот что царь надумал: пусть, говорит, твой сын сделает карету, которая бы сама по земле и по воде ходила.

— Три дня царь думал и только-то всего придумал! — говорит сын. — Оставь, отец, заботу на завтра.

Настал вечер, отец да мать легли спать. А сын-медведь вышел во двор, поклонился один раз на север, второй раз — на восход солнца, третий раз — на полдень. Набежало из лесу медведей видимо-невидимо. Обернулись они молодцами и спрашивают:

— Что теперь тебе, хозяин?

— Надо, — говорит он, — к утру такую карету смастерить, которая бы сама по земле и по воде ходила.

А сам вернулся в дом и лег спать. Отец да мать встали утром, смотрят: а под окном карета золотом и серебром на солнце сверкает!

Будят они сына:

— Вставай, сын! Смотри, вечером во дворе ничего не было, а теперь карета под окнами такая, что даже во сне не приснится.

Сын и говорит:

— Одевайтесь, отец и мать, — в этой карете за царской дочерью поедем.

Принарядились они, сели в карету и поехали. Едут по мосту с мраморными столбами, а кругом птицы-соловьи заливаются. Видят царские слуги, что карета без лошадей, сама идет. Побежали к царю. Царь думает: «Не избавиться мне от этого жениха, никак не добраться до его головы — все задания выполнил. Знать, сила у него такая есть».

Отец и мать выходят из кареты, а сын остается в карете. Заходят старики в царские палаты, царь выходит им навстречу.

— А где же жених? Почему не заходит в палаты? — спрашивает царь.

Зовут жениха, а он в ответ:

— Пусть царская дочь сама ко мне выйдет.

Вышла царевна жениха встречать, подошла к карете, руку подала, но как разглядела молодца — чувств лишилась, бездыханная стала.

Жених вышел из кареты, тронул ее лапой слегка по плечу, девушка и пришла в себя. Пошли они во дворец. Загоревали царь с царицей: правду старик сказал, что сын на медведя похож. Как же дочь с таким мужем жить будет? Но свадьбу справлять надо, коли он все задания выполнил.

Справили свадьбу, поехали молодые в дом мужа. А когда настал вечер, сбросил муж с себя медвежью шкуру — и превратился в юношу, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать! Обрадовалась царская дочь. А утром муж опять надел медвежью шкуру и стал, как прежде, медведем.

Живут-поживают, а жене хочется узнать, что за чудеса творятся с мужем. Однажды она и начала выпытывать:

— Что за чудеса с тобой творятся? Днем ты медведь, а вечером такой молодец, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать. Почему ты не можешь всегда быть человеком?

— Не могу я тебе этого сказать, — говорит муж. — Но знай, теперь уже недолго мне осталось медведем ходить. Скоро превращусь в человека. Но об этом пока никто не должен знать.

— Доверься мне, я сумею сохранить тайну, — просит жена.

— Ну так слушай. Когда я был мальчиком, Суюятар похитила меня у родителей. Потом, когда подрос, я сбежал от нее, и за это она обратила меня в медведя на три года. Через месяц этот срок кончится. Колдовство ее перестанет иметь силу.

Так и рассказал жене всю правду. Прошло сколько-то времени, поехали молодые в гости к царю. А царица и начала свою дочь расспрашивать:

— Как же ты, доченька, живешь с таким мужем? Ведь и смотреть на него страшно.

Дочь говорит:

— Он очень хороший, меня не обижает.

А мать все свое: «Да на человека-то он не похож». Обидно стало дочери, забыла она предупреждение мужа и все матери рассказала. Рассказала, как его Сюоятар заколдовала, как он превращается в молодца, красивее и лучше которого нет во всем царстве.

Легли они вечером спать, а царица прокралась в спальню, схватила медвежью шкуру и в печи сожгла.

Утром муж смотрит — нет шкуры. Опечалился он, говорит жене:

— Не послушалась ты меня, вот и навлекла беду. Больше ты меня не увидишь.

Дал жене на память шелковый пояс, снял кольцо с пальца, попрощался и исчез — только она его и видела.

Заплакала царская дочь, говорит матери:

— Что ты наделала? Погубила ты мою жизнь!

Вернулась она в дом мужа, к старику и старухе. Живет с ними, годам счета не ведет, все тоскует. Однажды и говорит старикам:

— Не могу я больше так жить. Пойду мужа искать. Если найду — вернусь вместе с ним, а не найду — где-нибудь на дороге умру.

И отправилась мужа искать. Идет по лесам, идет по болотам, через скалы, через бурелом перелезает. Пришла в темный еловый лес. Смотрит — избушка на петушиных шпорах вертится.

— Избушка, избушка, — говорит женщина, — не вертись, остановись, стань к лесу задом, ко мне передом! Дай путнику заночевать, озябшему обогреться.

Избушка остановилась. Заходит она в избу, а там старуха на печном столбе сидит, угли в печке носом шевелит и приговаривает:

— Вот хорошо, сама человечина пришла: мне есть, пить да за ухо лить!

Отвечает женщина:

— Какая, бабушка, из путника еда: ни мяса, ни жира, одни жилы да кости. Лучше бы

накормила, напоила, а тогда уже и съела.

— Ишь ты, — удивляется старуха, — сумела ответить!

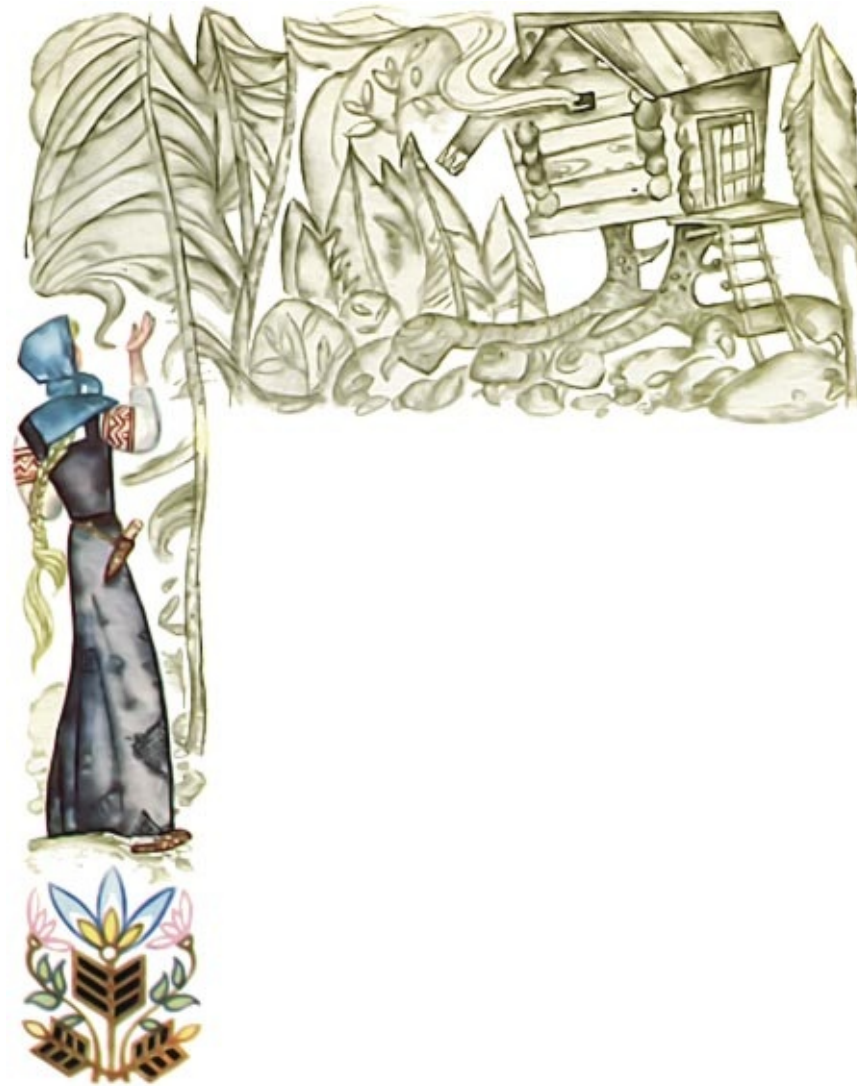
Накормила она ее, напоила, стала расспрашивать.

Женщина все ей и рассказала. Старуха говорит:

— Видала я твоего мужа. Девять лет назад он здесь проходил, ночь у меня переночевал.

Наутро собралась женщина в путь. Старуха и говорит ей:

— Дальше, за три года пути отсюда, живет моя старшая сестра. Она больше моего знает. Но как зайдешь в избу, сумей ей ответить.

Пустилась женщина в путь. Идет по лесам, по борам, сухие болота напрямик переходит, топкие болота кругом обходит. Пришла в темный еловый лес. Смотрит — стоит избушка на петушиных шпорах и вертится. Стала она приговаривать:

— Избушка, избушка, не вертись, остановись, стань к лесу задом, ко мне передом! Дай путнику заночевать, озябшему обогреться.

Избушка остановилась. Заходит она в избу, а там старуха, страшнее первой. На печном столбе сидит, ноги вокруг столба обвила, носом угли в печке шевелит:

— Хо-хо, вот и человечина сама пришла, мне есть, пить да за ухо лить!

Женщина в ответ:

— Какая, бабушка, из путника еда: горстка костей да ложка крови. Лучше бы накормила, напоила да спать уложила, глядишь, помягче бы я стала, тогда и съела бы.

— Ишь ты, сумела ответить! — похвалила старуха.

Слезла она с печного столба, накормила, напоила женщину, спать уложила. Утром стала ее расспрашивать:

— Откуда идешь, куда бредешь?

Рассказала та все: как мужа потеряла, как искать его пошла. Старуха говорит:

— Твой муж проходил здесь шесть лет назад. Дальше, за три года пути отсюда, живет моя старшая сестра. Я грозна, только она в три раза грознее. Она тебе скажет, где твой муж. Но сумей хорошо ей ответить.

Пустилась она опять в путь. Идет, идет, через леса и топи. Озера обходит, реки переплывает. Приходит опять в темный еловый лес. Смотрит — стоит избушка на петушиных шпорах и вертится. Она и говорит избушке:

— Избушка, избушка, не вертись, остановись, стань к лесу задом, ко мне передом! Дай путнику заночевать, озябшему обогреться.

Избушка остановилась. Заходит женщина в избу, а там старуха — страшнее страшного. Сидит на печном столбе: руки, как грабли, глаза, как плоски, носом горящие угли в печке шевелит. Увидела старуха путницу, обрадовалась:

— Хо-хо! Сама человечина прямо в рот лезет!

Женщина отвечает:

— Какая, бабушка, из путника еда: вместо мяса кости, вместо крови водица. Ты бы меня накормила, напоила, в баньке попарила да спать уложила — а уж потом бы и съела.

— Ишь ты, сумела ответить!

Спустилась старуха с печного столба, накормила, напоила путницу, в бане попарила, спать уложила.

Трое суток проспала царская дочь. На четвертое утро просыпается. Старуха и начинает расспрашивать:

— Откуда идешь, куда бредешь?

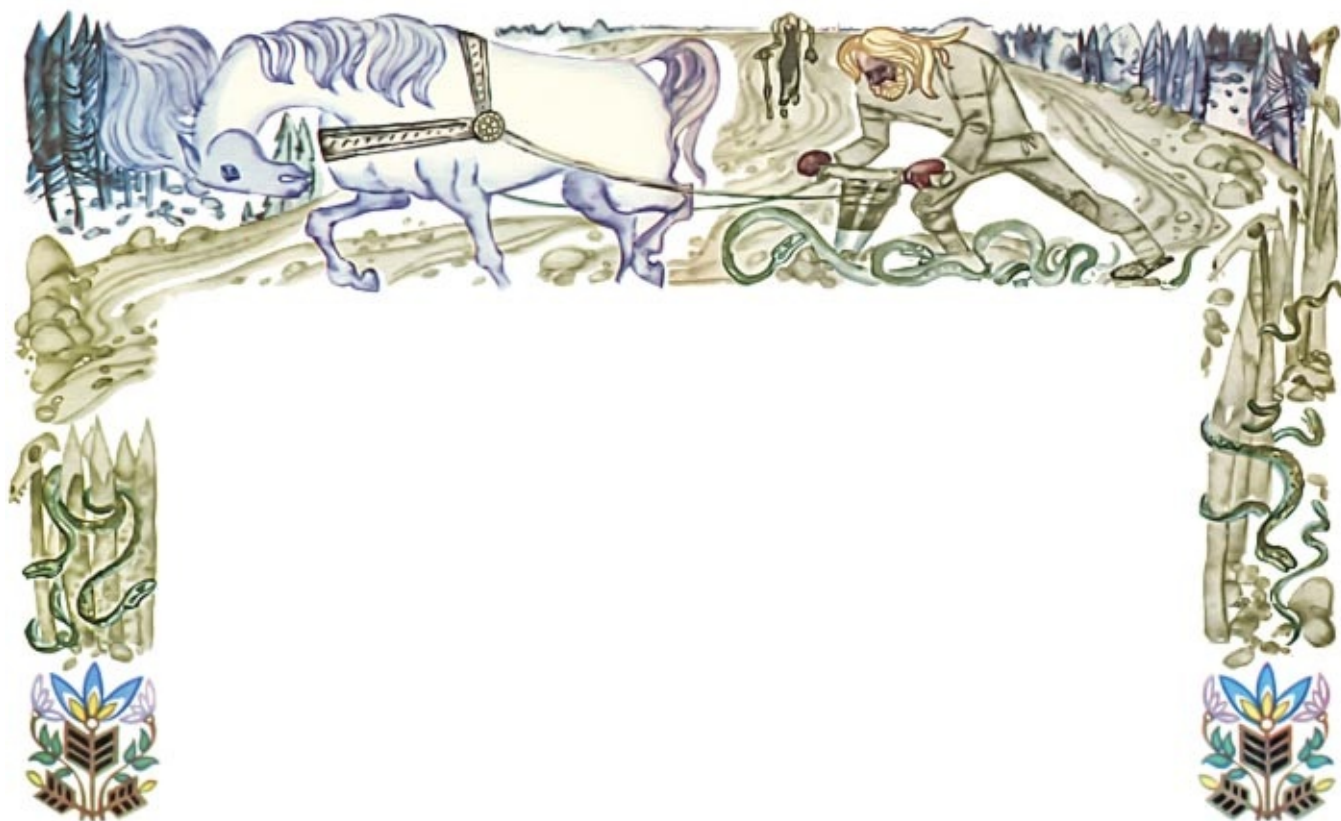
Женщина рассказала.

Старуха говорит:

— Знаю я твоего мужа. Три года тому назад он здесь проходил. Теперь он у Сюоятар в рабочих.

— Как же мне его найти, в глаза ему хоть один раз заглянуть? — спрашивает женщина.

— Найти-то можно, но повидаться с ним трудно, — говорит старуха. — Сюоятар его зорко стережет. Каждое утро она посылает его через непроходимые леса дальше поле пахать. А поле это заколдованное — вся изгородь вокруг него обвита змеями. А на ночь Сюоятар запирает его в амбар и перед сном поит сонным зельем, чтобы он ночью не убежал. Но я тебе помогу. У Сюоятар есть три амбара, полных льна. Ты попросись к ней пряхь, она тебя возьмет, но даст одну неделю сроку. Если ты за это время не спрядешь весь лен, Сюоятар превратит тебя в чайку. Но я дам тебе вот эту дудку. Как только дунешь в нее, появится мышей видимо-невидимо. Хлопни три раза в ладоши — и они превратятся в девушек и спрядут тебе лен. А еще дам я тебе вот это перышко ласточки, оно тоже может пригодиться. Дунь на него и обернешься ласточкой.

Поблагодарила женщина старуху и пошла к Сюоятар. Три года шла, пути не разбирая. Ночи не спала. И дошла наконец до лесной поляны, где был дом Сюоятар. Заходит в избу, здороваается.

— Откуда ты взялась? — спрашивает Сюоятар. — Люди сюда не знают дороги.

— А я, тетенька, заблудилась, совсем обессилела от голода. Позволь мне у тебя немного пожить, сил набраться. Может, работа есть какая, я ведь пряхь большая мастерица.

— Работа-то у меня есть, — говорит Сюоятар. Видишь три амбара? Они полны льна. Если

спрядешь весь лен за неделю — добром отпущу, а не спрядешь — пеняй на себя!

Женщина согласилась. Дала ей Сюоятар сухую корку хлеба и воды кружку и отвела в первый амбар. Только дверь амбара закрылась, женщина достала дудку, дунула — набежало из всех щелей мышей видимо-невидимо, и обернулись все девушками. У каждой в руках прялка и веретено. За два дня весь лен в амбаре спряли.

Но не за тем ведь женщина весь этот нелегкий путь прошла, чтобы у Сюоятар лен прясть. Стала она следить, когда ее муж с поля возвращается и куда Сюоятар его спать уводит. Видит, как заходит солнце, запирает ведьма ее мужа в четвертом амбаре, который стоит в стороне, отдельно от других.

Как с ним повидаться, словом перекинуться? И вспомнила тут она о перышке, которое дала ей старуха. Подула она на перышко и тотчас превратилась в ласточку. Летает, носится вокруг амбара, где муж спит, никак не может щелку найти. Наконец заметила маленькое отверстие под стрехой и юркнула в амбар, на землю опустилась и стала опять женщиной. Принялась она будить, тормошить мужа, а он спит мертвецким сном — ведь Сюоятар его сонным зельем напоила. Приникла жена к нему и всю ночь проплакала. А перед рассветом сняла шелковый пояс, который он ей на память оставил, и опоясала им мужа. Сама опять обернулась ласточкой и вылетела из амбара.

Просыпается муж и видит, что рубашка у него на груди мокрая, думает: «Что за чудо? Отчего она мокрая?» Потом пояс заметил: «Точно такой же пояс я жене оставил! Неужели жена моя приходила?»

Послала опять Сюоятар работника пахать поле, которое змеи стерегут, а жена во втором амбаре лен прядет. Вечером, когда мужа увели спать, она опять обернулась ласточкой и юркнула в амбар. Снова пыталась мужа разбудить, трясла его и тормошила, но он так и не проснулся. Проплакала она всю ночь над ним, а утром, перед восходом солнца, сняла с пальца кольцо, которое он ей на память оставил, надела ему на мизинец, превратилась в ласточку и улетела.

Просыпается муж и видит на пальце кольцо. «Да это же то самое именное кольцо, которое я жене на память оставил! — думает он. — И что это я так крепко сплю? Уже вторую ночь ко мне кто-то приходит, а я ничего не слышу. Верно, Сюоятар чем-то поит меня».

Вечером, когда Сюоятар налила работнику сонного зелья в кружку, он не стал пить, а незаметно вылил под стол. Заперла Сюоятар его в амбаре, но на этот раз он не уснул, ждет, что будет. Вот влетела в амбар ласточка, обернулась женщиной. Смотрит он — да это же его жена! Рассказала она, как искала его, как наконец дорогу к нему нашла.

И решили они следующей ночью бежать. Когда наступила ночь, отперла жена все запоры, выпустила мужа, и ушли они в лес.

А Сюоятар тем временем почувяла что-то неладное, пошла посмотреть, на месте ли ее пленник. А в амбаре пусто! Рассвирепела ведьма и пустилась в погоню. Слышат муж с женой, что Сюоятар за ними гонится, догоняет уж. Свистнул тут муж, и тотчас со всех сторон прибежали медведи. Встали они на задние лапы, зарычали и двинулись на Сюоятар. Только ключья от нее остались.

А муж с женой вернулись к старику и старухе. Обрадовались старики.

И сын их больше в медведя не превращался. Стал он с женой жить да поживать. Может, и поныне еще живут.

ЧЕРНАЯ УТОЧКА

Жили старик да старуха. Было у них двое детей — сын и дочь. И выросли они такие красивые, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать. Старик со старухой совсем состарились, чувствуют, что смерть близко. Наказывают они своим детям:

— Живите, дети, дружно, не обижайте друг друга!

Похоронили брат с сестрой родителей и остались вдвоем, да еще собачка у них была. Брат на охоту ходит, сестра хозяйство дома ведет. Дружно живут. Однажды на охоте встретил парень царевича. Царевич так загляделся на него, что глаз не может отвести, и говорит:

— Какой же ты, братец, красивый! Кто ты и откуда?

Отвечает ему парень:

— Я-то что! Вот сестра у меня настоящая красавица!

— Отдай мне ее в жены! И ты будешь свой век богато жить с нами рядом.

Пришел брат домой и рассказал обо всем сестре. Девушка подумала и говорит:

— До тех пор не выйду замуж, пока своим подолом отцовский порог не изотру.

Только сестра вышла из избы, брат взял топор, разрубил порог на куски и сложил обратно.

Вошла сестрица в избу, задела за порог подолом — порог и рассыпался. Говорит брат сестре:

— Пойдешь теперь замуж за царевича?

— Вот как изотру при помоле ручной жернов отца с матерью, тогда и пойду.

Брат спустился в подполье, разбил жернов на кусочки, собрал их и поставил на место.

Утром стала сестра зерно молотить — жернов на куски и рассыпался. Брат говорит:

— Теперь, наверно, пойдешь замуж?

— И теперь еще не пойду! Вот когда износится от шитья иголка, оставленная мне матерью, тогда уж и выйду за царевича.

Брат взял иголку, переломил ее пополам, а куски сложил вместе. Стала сестра шить брату рубашку — иголка сломалась.

Делать нечего, пришлось сестре согласиться выйти замуж за царевича. Собрала она свои лучшие наряды, сели в лодку и собачку с собой взяли.

Плывут они на лодке, долго ли, коротко ли. Видят, бежит Сюоятар по берегу. Забежала на

мысок и кричит:

— Дети добрых родителей, возьмите меня в лодку! Мои ноженьки ветками исцарапаны, муравьями искусаны!

Девушка говорит:

— Не бери, братец, ее в лодку! Это Сюоятар, а зло добром не обернется.

Едут дальше. Сюоятар бежит по берегу. Забежала на следующий мысок и кричит:

— Ой вы, дети хороших родителей, возьмите меня в лодку! Мои ноженьки кусты исцарапали, муравьи искусали! Не могу идти дальше.

Девушка опять и говорит:

— Не возьмем ее, братец: зло добром не обернется.

Плывут они, плывут, в одном месте оказались так близко от берега, что Сюоятар прыгнула в лодку, села вместо девушки грести и отняла у нее слух. Вот впереди царский берег показался. Говорит брат:

— Прихорашивайся, сестра! Надень свой кашемировый сарафан: царский дом виднеется, городская стена светится!

Сестра не слышит, переспрашивает:

— Что ты говоришь, милый братец?

А Сюоятар вместо него отвечает:

— Вот что говорит твой милый братец: плюнь в воду, прыгни в море, обернись черной уткой!

Опечалилась девушка. А брат опять:

— Прихорашивайся, сестра! Надень свой шелковый сарафан: царский дом виднеется, городская стена светится!

Сестра снова переспрашивает:

— Что говорит милый братец?

Сюоятар в ответ:

— Плюнь в воду, прыгни в море, обернись черной уткой!

Сестра думает: «Отчего это братец на меня разгневался?»

Уж совсем близко царский дворец. Брат говорит:

— Прихорашивайся, сестрица, надень свой подвенечный сарафан: царский дом виднеется, городская стена светится!

Сестра спрашивает:

— Что говорит мой родимый братец?

Сюоятар опять передает:

— Вот что говорит твой родимый братец: плюнь в воду, прыгни в море, обернись черной уткой!

Сестра заплакала, но послушаться не посмела, плюнула в воду, выпрыгнула из лодки, обернулась черной уткой и поплыла. А Сюоятар рада, надела ее подвенечный наряд.

Подъезжает парень с Сюоятар к берегу, не говорит царевичу, что с ним в дороге случилось. Царевич видит, что его обманули, но делать нечего, пришлось принять Сюоятар. А юношу запер с дикими жеребцами, пусть его изувечат!

Плавают черная уточка недалеко от берега, печальным голосом крикает, будто зовет кого-то. А собачка, которую брат с сестрой из дому взяли, бегают по берегу и жалобно скулят.

Настала ночь. Вышла уточка на берег, поднялась на мосток, принесла с собой вышитую рубашку для царевича и стала звать собачку:

Пятнашка, Пятнашка,
Моя милая собачка!
Беги скорей ко мне,
Скажи, где мой братец любимый?

Собачка отвечает:

— Бросили твоего братца к диким жеребцам на погибель!

Просит девушка собачку:

Милая моя Пятнашка!
Пойди к царевичу в покои,
Отнеси ему рубашку,
Так, чтобы ворота не скрипели,
Чтобы двери не стучали,
Чтобы слуги не проснулись
И тебя не увидали.

Может быть, царевич и пожалеет моего братца. А ты завтра опять приходи на берег!

Побежала Пятнашка, оставила рубашку царевичу в изголовье, никто и не видел.

Утром царевич просыпается, смотрит — в изголовье рубашка лежит, разноцветными шелками вышита. Спрашивает:

— Откуда эта рубашка, кто ее сшил? Сюоятар отвечает:

— Сама я сплю, а руки у меня работают!

Царевич удивился, не верит Сюоятар. Велит он слугам перевести парня к коровам в хлев, если жив еще. Слуги так и сделали.

На другой вечер, когда все улеглись, опять выходит уточка на мосток и зовет собачку:

Пятнашка, Пятнашка,
Моя милая собачка!
Беги скорей ко мне,
Скажи, где мой братец родной?

Бежит собачка к берегу, говорит уточке:

— Перевели твоего братца к коровам.

На этот раз девушка принесла с собой полотенце, которое она вышила для царевича. Просит собачку:

Милая моя Пятнашка,
Пойди к царевичу в покои,
Снеси ему полотенце,
Так, чтобы ворота не скрипели,
Чтобы двери не стучали,
Чтобы слуги не проснулись
И тебя не увидали.

Может, царевич и пожалеет братца. Завтра опять приходи. Я в последний раз выйду.

Собачка так и сделала: отнесла полотенце и сунула в изголовье царевичу. Он как проснется утром — полотенце появилось! Что за чудеса! А Сюоятар опять свое:

— Это я вышила! Хоть глаза у меня закрыты, да руки мои не спят.

Задумался царевич еще больше. Велел перевести парня к овцам, а сам отправился к старухе вдове, которая всем помогала советом, не знает ли она, что это все значит. Приходит он к вдове и рассказывает ей, как он хотел жениться на красавице, а оказалась уродина, как уже две ночи подряд у него под подушкой появляются подарки. Вдова говорит:

— Как же, знаю! Твою невесту Сюоятар превратила в утку, а себя выдает за невесту. А это уточка присылает тебе с собачкой подарки, чтобы ты помиловал ее брата. Она и сегодня придет на берег попрощаться со своей собачкой, а потом улетит в другие края.

— Как бы мне ее спасти, чтобы она снова стала девушкой? Посоветуй, добрая вдова, — просит царевич.

— Хорошо, я дам тебе совет, — говорит старушка. — Приходи сегодня вечером на берег пораньше, спрячься в укромном месте. Как только все уснут, явится уточка и станет звать собачку. Ты ее тут и лови. Поймаешь — не выпускай из рук. Будет она превращаться в разных тварей. Но ты не огорчайся, бросай на землю через левое плечо, пока она не превратится в девушку.

Поблагодарил царевич старушку, сам домой пошел. Велел слугам перевести юношу во

дворец, тайком от Сюоятар. Вечером отправился на берег, спрятался и стал ждать.

Настала ночь, вышла уточка на мосток, кличет свою собачку. Собачка бежит на голос хозяйки. А царевич выскочил из своего укрытия да как схватит уточку! Поймал ее, держит крепко. Превратилась она в змею, царевич ее переломил и бросил через левое плечо; она — в ящерицу. Царевич опять ее пополам разорвал и через левое плечо бросил. Она веретеном обернулась — он и веретено ломает и бросает через левое плечо. Во что только она не превращалась! Это Сюоятар ее так заколдовала, чтобы ей не быть больше девушкой. Наконец превратилась она в скалку, переломил царевич скалку, выбросил и ждет. Как оглянется — стоит девушка невиданной красоты, какая ему даже во сне не снилась! Берет он девушку за руку, зовет с собой. А она говорит:

— Не пойду я с тобой! Сюоятар меня погубит, со свету сживет.

— Со мной ничего не бойся! — успокаивает девушку царевич.

Оставил он ее у вдовы, сам пошел домой. Наказал слугам натопить баню пожарче, вырыть под порогом яму в девять сажен и залить ее кипящей смолой. А от крыльца до бани разостлать красное сукно. Все так и сделали. Ведут Сюоятар в баню; она головой во все стороны вертит:

пусть все видят, какую ей честь оказывают! Двое слуг под руки ведут цареву жену в баню по красной дорожке! Довели до порога, сдернули сукно, она и упала в яму, в кипящую смолу. Только успела крикнуть:

— Пусть мои руки превратятся в змей, ноги — в гадюк, волосы в червей ползучих! Пусть из ямы вылетят комары да мошкара, чтобы вечно кусать и мучить людей.

Привел царевич свою настоящую невесту во дворец. Очень она обрадовалась, как увидела своего брата живым и здоровым. Царевич справил свадьбу на славу, всех людей созвал на пир, кто только двигаться мог. А брат невесты был на первом месте, тут он и жить остался со своей сестрой. И вдову не забыли, наградили богато. И живут они по сей день, если не умерли. А люди еще долго верили, что вся лесная нечисть на земле от Сюоятар пошла.

ПРЯХИ У ПРОРУБИ

Жили-были муж да жена. И была у них одна-единственная дочь Маша. Выросла Маша красавицей, как ягодка на лесной поляне. И за что ни возьмется, все-то у нее в руках спорится. Жили они счастливо, да вот мать захворала и умерла. Остался отец вдвоем с дочкой. Нелегко им было, а жили они дружно. Но вот надумал отец жениться, а в жены ему попалась Сюоятар. У нее тоже была дочь, Марфа, дурнушка, непослушная да ленивая.

Невзлюбила Сюоятар свою падчерицу, всю тяжелую работу по дому на нее взвалила. А Маша все делает, слова не скажет, и красота ее не вянет. Мачеха еще пуще злится... Решила она падчерицу со свету сжить. Придумала Сюоятар девушкам работу: родной дочери дала шелковую куделю прясть, в горнице ее посадила. А падчерице — куделю из травы болотной. Ведет ее к проруби и наказывает:

— Сиди здесь, пряди! А уронишь веретено в прорубь, сама за ним полезешь!

Осталась девушка одна, сидит и прядет. Пряла, пряла, оборвалась у нее нитка, сорвалось

веретено и упало в воду. Что делать?

— Рыбка-плотичка, — просит Маша, — подай веретенце!

А из проруби в ответ:

— Молодые ножки, иди сама по дорожке!

И мачеха тут прибежала, заставляет лезть за веретеном. Поплакала Маша, страшно ей в воду лезть, да делать нечего. Накинула она на голову сарафан и прыгнула в прорубь. Там открылась перед ней широкая дорога, светло кругом, красиво! Идет, идет Маша, навстречу ей — стадо коров. Окружили ее, просят:

— Девушка, девушка, подои нас, и нам станет легче, и ты молочка попьешь. А в награду лучшая из нас за тобой пойдет.

Девушка взяла подоильник, подоила коров, попила молока парного и дальше пошла. И лучшая корова за ней идет. Долго ли, коротко ли, встречается табун лошадей. Тоже просят:

— Девушка, девушка, причеси нас, подстриги нам гривы, подкороти хвосты. А за работу возьми лучшего коня из табуна.

Маша причесала их, подстригла гривы, подрезала хвосты и пошла, а следом за ней — лучший конь. Видит — стоит домик у дороги. Заходит, а там старушка на печи сидит. Поздоровалась Маша, хозяйка у нее спрашивает:

— Кто ты такая и откуда пришла?

— Я бедная девушка, пришла с белого свету.

И рассказала все, что с ней приключилось.

Выслушала ее старуха и говорит:

— Девушка, голубушка, истопи баню, помой меня и моих деток. Давно мы в бане не были, хвораю я.

Маша быстренько баню истопила, вымыла полок, веники приготовила. Сначала помыла-попарила хозяйку, та осталась довольна. Потом старуха дает ей решето, — а там ящерицы и лягушки. Взяла их девушка, всех веничком попарила, теплой водой окатила. Довольны детки, хвалят Машу. Хозяйка рада, что так хорошо помылись, говорит:

— Вот тебе, добрая девушка, за труды, — и подает ей сундук и ларец.

Поблагодарила Маша старушку, взяла сундук и ларец и домой отправилась, а лошадь и корова за ней идут. Пришла Маша домой. Лошадь и корову во двор завела, сундук и ларец в амбар снесла. Как откроет сундук — там всякого добра полно, раскрывает ларец, — а в нем камни самоцветные, сверкают-переливаются, аж глазам больно!

Тут Сюоятар зависть одолела, почему не ее дочь, а падчерица стала такой богатой. И посадила Сюоятар свою дочь прядь у проруби, дала куделю из болотной травы.

Сидит Марфа, прядет. Веретено в воду и упало. Говорит она:

— Рыбка-плотичка, подай веретенце!

А из воды отвечают:

— Молодые ножки, иди сама по дорожке!

Страшно прыгать, да приданого хочется.

Прыгнула она в прорубь, а там широкая дорога. Она и пошла по ней. Шла, шла, встречается ей стадо коров. Просят коровы девушку:

— Девушка, девушка, подои нас, нам тяжело ходить. А за работу возьми лучшую из нас.

Посмотрела она на них и отвечает:

— Я дома и своих коров не дою, а вас и подавно не буду. У меня ручки белые, молоком мытые.

Коровы рассердились на нее, давай ее бодать, еле живая убежала. Идет и плачет. Шла, шла, навстречу ей табун лошадей. Окружили Марфу лошади, просят, чтобы она их причесала, гривы подрезала, хвосты подкоротила, а они ей за это лучшую лошадь обещают.

Девушка и им отвечает:

— Мои руки мать молоком мыла, не хочу их пачкать, вас, грязных, причесывать и стричь!

Обиделись на нее лошади, погнались за ней, копытами бьют — еле ноги унесла. Опять пошла дальше, плачет от досады и боли. Шла, шла, увидела домик. Заходит в избу, села на лавку, молчит. Старуха с печи говорит ей:

— Здравствуй, девушка. Откуда путь держишь и зачем идешь?

Марфа отвечает:

— Пришла я с белого свету, веретено ищу.

Старуха говорит:

— Истопи для меня и для моих детей баню, помой и попарь нас. Я тебя награжу.

Марфа баню кое-как протопила, с дымом закрыла; вода чуть теплая, веники сухие. Повела в баню старушку, сухим веником ее похлестала, холодной водой помыла. Та, бедная, совсем замерзла, забралась дома на печку отогреться. Дала ей детей помыть — ящериц и лягушат. Пришла Марфа с ними в баню, швыряет их, проклиная. Сухим веником всех похлестала, в ведро с холодной водой высыпала, палкой перемешала и обратно на решето бросила. Половину покалечила. Плачут они, пищат, жалуются старушке на Марфу:

— Лучше бы не отправляла нас с такой злой девушкой. Мыла она нас холодной водой, в холодной и угарной бане. Заморозила нас, покалечила: кому хвост оторвала, у кого лапки обломала, кому глаза выколола.

Ничего не говорит хозяйка девушке. Дает ей за работу сундук и ларец. Та обрадовалась: вот и у нее будет много добра! А старушка ей наказывает:

— Как придешь домой, не заноси добро в амбар, а то старикова дочь обменяет. Неси прямо в ригу, там и открывай.

Приходит девушка домой с сундуком да с ларцом. Идет с матерью в ригу. Открыла сундук — там смола. Взясась за ларец — из него пламя вырвалось. Вспыхнула смола, загорелась в риге солома. Не успели мать с дочерью с места сойти, слова вымолвить, тут и сгорели.

Остались опять отец с дочерью вдвоем, зажили в своем доме счастливо и богато.

СЕСТРА И ДЕВЯТЬ БРАТЬЕВ

Жил в давние времена крестьянин с женой. Было у них девять сыновей. Заболел как-то отец и задумался: дай-ка на случай своей смерти поделю между сыновьями имущество. И поделил: старшему — лошадь и сани, второму — соху да борону, третьему — ригу и цеп, четвертому — корову и подойник, пятому — барашка да овечку, шестому — лодку и сети, седьмому — лук да собаку, восьмому — кошель и топор, девятому — лыжи да ахживо^[6].

— А если десятый сын родится, то ему уж дом достанется, — сказал отец.

И вот стало известно, что в семье должен родиться десятый ребенок. Поговорили между собой братья и решили:

— Если десятый сын родится, то придется нам с родным домом расстаться. Лучше уж заранее уйти. Пойдем в лес, там и жить будем. А родителям скажем, будто мы на охоту собрались.

Вот и говорят отцу с матерью:

— Мы пойдем на охоту, может, несколько дней пробудем. Если родится девочка, то поставьте на крышу прялку, а если мальчик — косу. Мы как будем из лесу возвращаться, так еще издали узнаем, кто у нас появился — брат или сестра.

И ушли. Прошло несколько дней, родила мать дочку. Вспомнила, о чем ее сыновья просили, поставила на крышу прялку.

А злая колдунья Сюоятар уже успела узнать об уговоре и ночью подменила прялку косой.

Братья каждое утро подходили к опушке леса, чтобы посмотреть, что стоит на крыше. И вот видят — коса на крыше появилась. Опечалились братья, да что делать. Раз решили домой не возвращаться, если родится брат, так тому и быть. Ушли они далеко в лес, построили избушку и стали там жить.

Проходят дни, бегут недели. Девочка растет да хорошеет, а сыновей все нет и нет. Уже много лет прошло, дочка подросла и такая стала пригожая, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать. Однажды видит она: достала мать из сундука девять мужских рубашек, глядит на них и плачет.

Спрашивает дочка:

— Чьи это рубашки и почему ты на них глядячи плачешь?

Мать ей отвечает:

— Ох, доченька, если бы ты знала, так и сама бы заплакала. Было у тебя, доченька, девять братьев, но ты их не видела никогда. Перед тем как тебе родиться, пошли они в лес на охоту и не вернулись.

Много дней ходила дочка задумавшись — и надумала:

— Дай, маменька, мне эти девять рубашек. Я пойду братьев искать.

Заплакала мать:

— Ой, доченька, только и радости у меня осталось, что ты! Уйдешь и не вернешься, как братья твои. Как тогда жить буду!

А дочка ей говорит:

— Не бойся, маменька, я вернусь и братьев найду!

Стала мать дочку в дорогу собирать. Испекла калиток^[7], положила в кошель девять рубашек и говорит:

— Возьми-ка, доченька, с собой нашу собачку Пятнашку. Все веселей тебе в дороге будет.

Пошла дочь с Пятнашкой. Шла, шла по лесной тропинке, вдруг догоняет их какая-то женщина: лицо безобразное, сарафан из рогожи. Это была Сюоятар, только девушка-то этого не знала.

— Здравствуй, красавица! — говорит Сюоятар. — Нам, видно, по пути. Пойдем вместе, веселей будет.

Пошли они вместе. Дошли до лесного озера. А день был жаркий. Сюоятар и говорит девушке:

— Давай искупаемся!

Тут Пятнашка подбежала к своей хозяйке:

— Гав-гав! Не ходи купаться — беда будет!

Разозлилась Сюоятар, схватила камень, бросила в собаку и перебила ей лапу.

Послушалась девушка свою собачку, не стала купаться. Идут они дальше, а Пятнашка за ними на трех лапах скачет. Подошли к другому озеру.

— Давай здесь искупаемся! — говорит опять Сюоятар.

А собачка возле хозяйки вертится, за подол тянет:

— Гав-гав! Не ходи купаться — беда будет!

Схватила Сюоятар камень, запустила в собачку — вторую лапу ей перебила. Не стала девушка купаться, взяла собачку на руки, несет ее, а сама плачет — жалко ей Пятнашку.

Шли они, шли, снова впереди озеро синее. Сюоятар и говорит:

— Давай искупаемся, легче будет идти!

Собачка залаяла:

— Гав-гав! Не ходи купаться — беда будет!

Вырвала Сюоятар собачку из рук девушки и убила ее. Пошла девушка дальше, слезами заливается, а Сюоятар от нее не отстает.

Идут они опять сколько-то времени. А жара и впрямь невыносимая. Показалось впереди озеро.

— Давай искупаемся! — говорит опять Сюоятар. — Сил нет дальше идти.

Девушка совсем изнемогла от жары и согласилась. Стали они купаться, Сюоятар говорит:

— Давай нырять — кто дольше под водой пробудет.

Нырнула девушка, а Сюоятар тем временем на берег выскочила, оделась в платье девушки, ее кошель с рубашками братьев схватила.

Вышла девушка из воды — что делать? Пришлось ей в рогожный сарафан Сюоятар одеться. А та в сарафан иголку воткнула. Девушка иголкой укололась и онемела.

Идут они по тропке — Сюоятар впереди, девушка за ней. Показалась полянка, а на полянке избушка. Зашли они в избушку, а в ней девять молодых отдыхают, спят.

Сюоятар девушку за печку посадила, а сама достала из кошелья девять рубашек, положила каждому молодцу в изголовье по рубашке да еще по калитке положила. Сама расселась посреди избы и ждет, когда братья проснутся.

Вот проснулись братья, встали, увидели рубашки. Удивляются:

— Откуда эти рубашки взялись? Ведь их родная мать своими руками сшила!

Повеселели они, стали примерять рубашки, а тут смотрят — и калитки румяные у каждого в изголовье положены. Попробовали калиток, диву даются:

— Что за чудо? На всем белом свете только наша мать такие вкусные калитки печь умеет!

Откуда же они взялись?

Захихикала тут Сюоятар:

— Неужели вы, братья мои любимые, меня не узнали? Ведь я — ваша сестра единственная, я и принесла вам гостинцы из дому, от родной маменьки.

Обрадовались братья, стали Сюоятар обнимать, целовать — поверили ей.

Увидел тут младший брат девушку за печкой и спрашивает:

— А это кто?

А девушка ничего сказать не может. Молчит и только плачет.

Сюоятар смеется:

— Какая-то горемычная по дороге увязалась за мной. Не то немая, не то дурочка. Пусть за печкой сидит. Отправим ее завтра свиной пасти.

Начала Сюоятар в доме хозяйничать.

Каждое утро Сюоятар отправляет бедную девушку свиной пасти. Дает ей с собой в лес пирог из лягушатины и помоев в туесок берестяной. А перед тем, как в лес ее отправить, из рогожного платья иголку свою волшебную вынимает, чтобы девушка могла в лесу свиной созывать.

Пасет девушка свиней, видит — по небу гуси летят. Говорит она гусям:

Гуси вы, гусыньки,
Постойте, помогите,
Меня, бедную, послушайте!
Летите вы, гусыньки,
К дому моему родному,
Передайте отцу моему, Ивану,
Матери моей, Марье, скажите,
Что родная их доченька
У девяти братьев свиней пасет,
За печкой живет,
Слезами исходит.
А Сюоятар в горнице
На красном стуле сидит,

Себя сестрой величает,
Мною, бедной, помыкает.
В лес мне пирог
С лягушатиной дала,
В туесок берестяной
Помоев налила!

Вечером девушка свиной пригнала, а Сюоятар уже на дороге ее встречает. Незаметно в ее одежду иглу воткнула — и девушка опять ни слова сказать не может. Сидит за печкой и слезы льет. Удивляются братья, почему это девушка все время плачет.

Сюоятар им говорит:

— Да что вы на нее смотрите, чего удивляетесь! Она же дурочка, от рождения, видно, такая.

Жалко стало младшему брату девушку, пошел он однажды тайком за ней в лес, посмотреть, как она там свиной пасет — немая. И на этот раз Сюоятар незаметно из ее платья иголку вынула, чтобы девушка могла в лесу свиной созывать.

Пасет девушка свиной, видит — летят гуси. Она опять запричитала, заплакала:

Гуси вы, гусыньки,
Постойте, погодите,
Меня, бедную, послушайте!
Летите вы, гусыньки,
К дому моему родному,
Передайте отцу моему, Ивану,
Матери моей, Марье, скажите,
Что родная их доченька
У девяти братьев свиной пасет,
За печкой живет,
Слезами исходит.
А Сюоятар в горнице
На красном стуле сидит,
Себя сестрой величает,
Мною, бедной, помыкает.
В лес мне пирог
С лягушатиной дала,
В туесок берестяной
Помоев налила!

Младший брат это услышал, выбежал из-за деревьев, обнял сестру. Она ему все и рассказала. Погнали они свиней вместе. А Сюоятар, как и прежде, на дороге девушку встречает. Заслонил брат сестру и говорит:

— Долго ты, ведьма проклятая, нашу сестру мучила — теперь будешь ответ держать!

Окружили братья злую Сюоятар. Та вся сжалась, задрожала от страха.

А сестра говорит:

— Пусть надевает свое рогожное платье и уходит подобру-поздорову.

Не стали братья сестре перечить. Сюоятар кое-как натянула на себя рогожное платье, без оглядки в лес убежала.

А девять братьев и сестра быстро собрались в путь-дорогу, к отцу с матерью домой отправились.

Жили два брата — один бедный, другой богатый. Бедный день и ночь работал, а все равно нищета из всех углов выглядывала. Детишки его зимой на печи сидели — не во что было их одеть и обуть. Сухую корку слезами смачивали.

Идет как-то бедный брат поздней осенью мимо риги своего богатого брата. Слышит — в риге кто-то молотит. Заглянул в ригу, а там девять незнакомых маленьких мужичков работают вовсю.

— Кто вы такие? — спрашивает.

— Мы — счастье твоего брата. Он спит, а мы за него работаем.

«Вон сколько у брата счастья, оттого-то он и богатый!» — думает бедняк.

— А есть ли у меня счастье? И где найти его? — спрашивает у мужичков.

— Твое счастье на берегу озера под старой колодой спит, — отвечают мужики. — Сломай ветку рябины, хлестни его той веткой три раза и скажи: «Ты все спишь, а у меня дети с голоду»

помирают!»

Утром пошел бедный брат свое счастье искать. Так и есть: на берегу под трухлявой колодой спит маленький мужичок в красной рубахе. Отломил бедняк ветку с рябины, ударил мужичка три раза и говорит:

— Ты все спишь, а мои дети с голоду помирают!

Протер мужичок глаза кулаками, зевнул и сел.

— Что тебе надо? — спрашивает.

— Помоги мне чем-нибудь, — просит бедняк.

Порылся мужичок в карманах и достал золотую монетку.

— Вот тебе монетка. Стоит перекинуть ее с ладони на ладонь — и появится у тебя еще такая же монетка. Сколько раз перебросишь, столько и золотых монет будет.

Обрадовался бедняк, поблагодарил мужичка в красной рубахе — и пошел домой.

Стал перекидывать монету с ладони на ладонь — выросла на столе кучка золота. А на золото — известное дело — всего можно купить. И стал бедняк жить не тужить.

Завидно стало богачу. Пришел он к бедному брату и спрашивает:

— Как это ты, братец, сумел из нищеты выбраться?

А бедный брат был добрый и доверчивый — все и рассказал богачу. И даже золотую монетку показал. Загорелись глаза у богатого брата, стал он просить:

— Дай мне на время эту монетку, хочу новый дом построить, деньги нужны.

Брат и отдал монетку. Набил богач золота полные мешки, а монетку спрятал на дно сундука. Прошло времени ни много, ни мало, у бедняка все припасы кончились. Пошел он к богатому брату за монеткой.

— Отдай, брат, мою монетку! — говорит. — Мне она теперь нужна.

Богач отвечает:

— О какой монете ты толкуешь? Я у тебя никогда ничего не брал и брать не собираюсь.

Надал бедному брату пинков и прогнал.

Вернулся бедняк домой ни с чем, да вспомнил о своем счастье — о мужичке в красной рубахе. Приходит на берег озера: а мужичок на прежнем месте спит. Взял бедняк ветку рябины, ударил ею мужичка и говорит:

— Ты спишь, а у меня беда!

И рассказал все мужичку. Рассердился тот на бедняка.

— Зачем же ты, простофиля, отдал монетку? Ну да ладно, на этот раз я тебе помогу, а больше не приходи.

Дал мужичок бедному брату холщовую скатерть.

— Как расстелешь эту скатерть, — говорит, — появится на ней еда, о какой ты в жизни не мечтал. Только смотри, скатерть никому не отдавай.

Пришел бедняк домой, расстелил скатерть.

— Ну, жена и детки, чего бы вы хотели поесть? Говорите — все будет.

Жена сказала:

— Сейчас бы каши с маслом поесть! Только проговорила это — появился на столе горшочек с кашей, каша масляная, рассыпчатая. Наелись досыта и соседей накормили.

Дошел до богатого брата слух о чудесной скатерти, и пришел он к брату.

— Слышал я, что у тебя скатерть необычайная завелась.

Захотелось тут бедняку перед богачом похвастаться. Расстелил он скатерть и говорит:

— Никогда ты, брат, у меня не угощался. А теперь, видишь, могу попотчевать тебя всем, чего только пожелаешь.

— Хочу гуся жареного и бочонок заморского вина сладкого! — говорит богач.

Только сказал — и появилось на столе блюдо с жареным гусем и бочонок вина.

Сели братья за стол. Богатый брат сам не пьет, а все бедному подливает да подливает.

Захмелел бедняк. Весело ему стало. Даже брату своему жадному, у которого снега зимой не выпросишь, радуется. А богачу только этого и надо:

— Дай-ка мне, браток, свою скатерть. У меня ведь завтра именины, хотелось бы гостей на славу угостить.

Тут бы бедняку и вспомнить о своей монетке, да где там!

— Бери скатерть! — говорит он. — Я не жадный, а скатерти не убудет.

Схватил богач скатерть и унес домой. Созвал попов да купцов, богатеев разных. Решился и бедный брат поздравить богатого брата, хоть раньше никогда в праздники к нему не смел заглядывать. Но теперь ведь другое дело: с его скатерти все эти богатые гости будут угощаться. Не успел он через порог перешагнуть и поздороваться, как брат заорал:

— Ты куда лезешь? Не видишь, какие люди тут сидят! Опозорить меня хочешь?

Вернулся бедняк домой, от обиды чуть не плачет.

Прошло несколько дней, а брат все не несет скатерть. Ни крошки не осталось в доме

бедного брата. Что делать? Пришлось опять к мужичку в красной рубахе идти. Пришел, разбудил мужичка — свое счастье. Тот не на шутку рассердился.

— Монетку я тебе дал, скатерть дал — жить бы тебе не тужить, а ты все меня беспокоишь! Видно, ума тебе не хватает.

Но скоро мужичок в красной рубахе повеселел, подмигнул бедняку и сказал:

— Хочешь, я тебе ума прибавлю? Возьми вот эту суму, стукни по ней вот этой палочкой и скажи: «Сума, дай ума!»

Бедняк так и сделал. Только сказал: «Сума, дай ума!», как из сумы выскочили семь мужичков и давай его палками колотить!

Взмолился бедняк:

— Пожалей, голубчик! Скажи им, чтоб перестали!

Подождал немного мужичок в красной рубахе, потом сказал:

— Сума, хватит ума! — И семеро мужичков тотчас в суму убрались.

— Ну, набрался ума? Знаешь, что дальше делать?

— Знаю! — сказал бедняк.

Пошел он домой и по дороге встретил богатого брата. Увидел тот суму — сума была красивая, из телячьей кожи — и говорит:

— Что это за сума у тебя, братец?

— О, в этой суме ум всего света спрятан, — говорит бедняк. — Теперь я буду самым умным человеком на свете!

Загорелись глаза у богатого брата: «Пожалуй, неплохо быть самым умным. И почет, и уважение, а главное, с умом можно еще богаче стать».

Говорит он брату:

— Не дашь ли мне суму эту ненадолго?

Бедный брат отвечает:

— Возьми, пожалуйста. Как придешь домой, стукни по суме вот этой палочкой и скажи: «Сума, дай ума!» Вот и получишь ума.

Разошлись братья по домам. А у бедного брата жена как раз баню истопила, пошел он париться.

Немного времени прошло, бежит жена богатого брата и с порога кричит:

— Где хозяин?

— В бане, — отвечает жена бедняка.

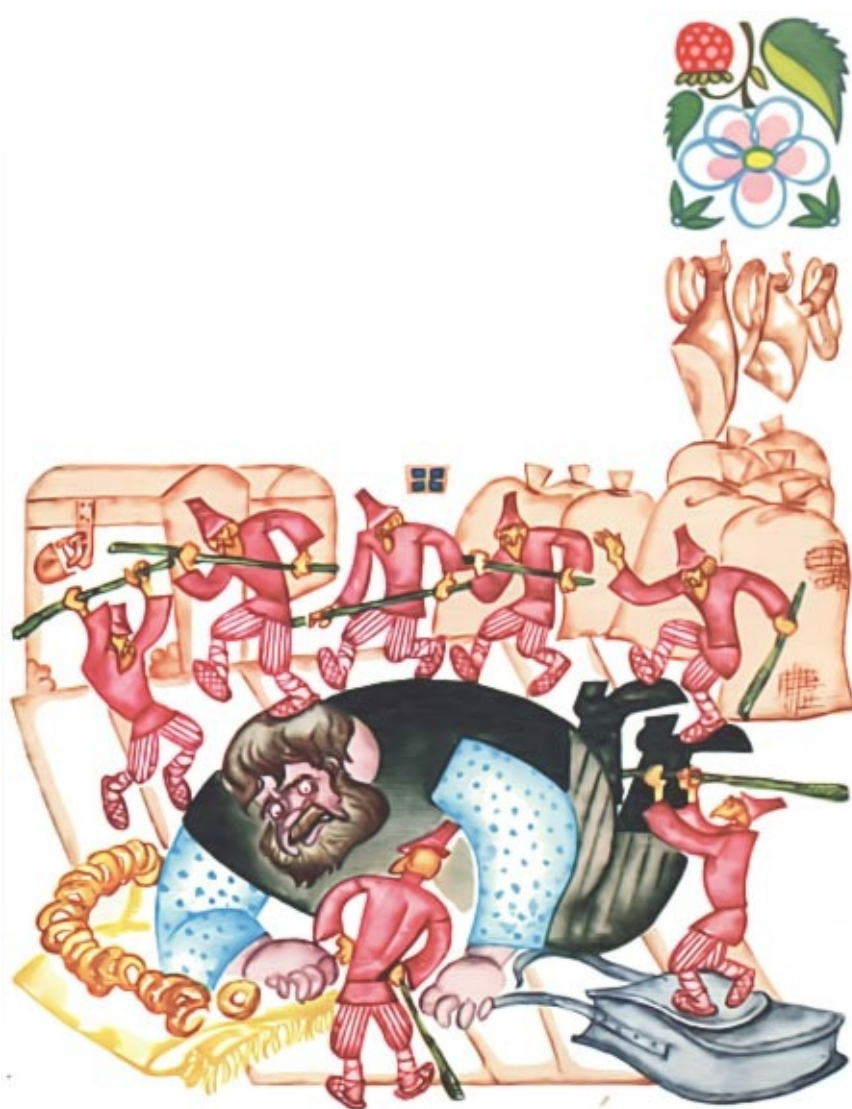
— Твой муж дал моему хозяину какую-то проклятую суму! Выскочили из сумы семь мужиков и дубасят мужа палками.

Побежали женщины к бане, зовут бедного брата. А тот им из бани кричит:

— Я еще парюсь! Не беда, пусть брат ума набирается.

Помылся бедняк, не спеша оделся и пошел к богатому брату. Уже издали слышит крик:

— Ой-ой, братцы! Отпустите! Пожалейте!

Только бедняк переступил порог, как богатый брат взмолился:

— Браток, выручай! Вели им перестать!

— Сейчас узнаем, — говорит ему бедный брат, — набрался ли ты ума.

А мужички из сумы все продолжают колотить богача. Но тот до того был жадный, что никак не хочет отдавать золотую монетку и скатерть: может, брат и так его пожалеет. А бедняк сидит на лавке и приговаривает:

— Нет, не набрался ты ума. Пусть немного прибавят.

Не выдержал богач, кричит жене:

— Достань из сундука золотую монету!

Принесла жена монетку, отдала бедняку.

А бедняк все сидит, ждет. Пришлось жене богача и скатерть достать. Только после этого бедняк сказал:

— Сума, хватит ума!

Семеро мужичков мигом юркнули в суму. Взял бедняк монетку, скатерть и суму, а на прощанье сказал:

— Ты был хитер, а ума тебе не доставало. Теперь набрался ума, только смотри, не растеряй ум-то! — И ушел.

А богатого брата после этого всей семьей трое суток в бане парили, растирали. Еле жив остался.

ЦАРЬ ПЕТР И КУЗНЕЦ

Когда-то царь Петр Первый путешествовал в наших северных краях. Прослышал он, что в одной деревне у кузнеца такой конь, равного которому нет по резвости и силе. Захотелось царю на этого коня посмотреть, а то и купить.

Приехал царь в деревню, зашел в кузницу, попросил коня подковать. Кузнец сковал подкову, бросил остужаться. А царь взял ее, повертел в руках да и разогнул. Говорит кузнецу:

— Идет молва, что хороший ты кузнец, а подковы твои, как глиняные.

Кузнец молчит, делает новые подковы и коня подковывает. Царь дал ему за работу серебряный рубль. Кузнец берет рубль, вертит в руках да и разламывает монету пополам.

— Что это, царь, — говорит, — деньги твои будто из мякины.

Понравилась или нет царю смелость кузнеца, про то неизвестно. Спросил он, как ни в чем не бывало:

— Говорят, у тебя конь добрый есть?

— Есть кое-какой, — отвечает кузнец.

— Не отвезешь ли меня на нем в город? Только смотри, за час надо доехать.

А до города верст пятьдесят будет.

Кузнец подумал и согласился.

— Только помни, — продолжает царь, — ежели в срок не доставишь, пеняй на себя.

— Ладно, — говорит кузнец, — повезу. Дай только время три железных прута сковать.

Сковал три прута железных, запряг коня и погрузил в сани железные болванки, пудов на пятнадцать. Удивился царь, спрашивает:

— А груз зачем? Эдак мы и до вечера не доплетемся.

— А это чтобы конь не слишком быстро бежал.

Царь только головой покачал. Уселись они в сани, кузнец взмахнул железным прутом, поехали. Конь трусит себе потихоньку. Царь и говорит:

— Видно, быть тебе, кузнец, на целую голову ниже, за то что хвастался конем.

— А я разве хвастался? — сказал кузнец и ударил коня другим прутом.

Конь рванул и помчался. У седоков только ветер в ушах свистит! Второй перелесок проехали. А царь все недоволен:

— Помни наш уговор: если в срок не приедем, пеняй на себя!

Ударил кузнец коня третьим прутом. Конь взвился и полетел словно птица! Сани едва земли касаются.

— Понял теперь, царь, — прокричал кузнец царю Петру на ухо, — зачем я болванки положил?

Уже не разобрать, где поля, где леса. Не видывал еще царь такой быстрой езды. Домчал их конь в город на полчаса раньше срока.

Встает царь из саней и спрашивает:

— Сколько же твой конь стоит?

— Не продается конь, — отвечает кузнец.

Царь второй раз спрашивает.

— Не продается конь, — повторяет кузнец.

Спрашивает царь третий раз:

— Да неужто коню цены нет? Проси за него что хочешь. Все отдам.

А кузнец стоит на своем:

— Ведь сказано уже — не продается конь.

Разгневался тут царь и застрелил коня.

Пошел кузнец с горя бродить по городу. Пришел на постоялый двор. А там сидит старый писарь. Спрашивает он у кузнеца:

— Кто тебя, добрый человек, обидел?

— Эх, старина, крепко меня обидели. Только правды мне не найти, потому что обидчик мой — сам царь.

И рассказал, как было дело.

Писарь говорит:

— Найдется управа и на царя. Я тебе так составлю прошение в суд, что там по справедливости рассудят. Когда царь спросит, что ты хочешь за коня, скажи свое заветное желание.

И написал кузнецу прошение.

На другой день кузнеца в суд зовут. И решил суд, что прав кузнец, что царь должен за коня заплатить, сколько кузнец ни попросит.

— Что возьмешь? — спрашивает царь.

Кузнец отвечает:

— Я уже сказал тебе, царь, что конь не продается. То же и сейчас скажу. Но за то, что ты коня моего убил, освободи, царь, весь мой род от царских податей.

— Быть по сему! — сказал царь.

Видать, понравился ему смелый кузнец.

КАК ОДИН ПАРЕНЬ ЦАРЯ ПРОУЧИЛ

КАК ОДИН ПАРЕНЬ ЦАРЯ ПРОУЧИЛ

Жил в далекие времена один царь. Очень любил он слушать сказки. По всему государству царские слуги искали сказочников для царя. Ведь царь каждый день новую сказку требовал. И если ему рассказывали старую, приказывал отрубить голову сказочнику. А как угадаешь — слышал или не слышал царь сказку? Вот и летели головы с плеч каждый день.

Настало время, когда никто уже не решался пойти к царю сказки рассказывать. Царские слуги с ног сбились, бегают, ищут, да никто не хочет добровольно головы лишиться. Царь говорит своим слугам:

— Если не найдете мне сказочника, то всем вам головы велю отрубить!

И вдруг, представьте, нашелся один парень, отчаянная голова. Сам вызвался!

— Давайте, — говорит, — я пойду. Так и быть, расскажу царю-батюшке сказку.

Царь так обрадовался, что сам парню стул принес, и говорит:

— Сказывай, дружок!

Парень начал:

— Было это давным-давно, когда мой дед и твой дед вместе сарай строили. Такой был сарай длиннющий, что белка по бревну из конца в конец за целый день едва доскакать успевала. Вот это был сарай!.. Не слышал?

— Нет, не слышал, — признался царь.

— Ну, коли не слышал, так и хватит на сегодня, — сказал парень. — Завтра я еще приду.

Приходит на другой день. Опять ему царь сам стул подставляет — не терпит сказку дальше услышать.

— Ну, сказывай скорее!

Парень продолжает:

— Помнишь, какой сарай мой дед и твой дед построили? Так вот, вырастили они в том сарае такого быка, что ласточке целый день лететь нужно было, чтобы с одного рога на другой перебраться... Слышал про это?

— Нет, не слышал, — говорит царь.

— Ну, коли не слышал, так и хватит на сегодня, — опять говорит парень.

И опять ушел. «Ну, — думает царь, — ты хитер, а я тебя перехитрю! Все равно доберусь до твоей головы».

Созвал царь своих сановников и говорит:

— Когда тот парень придет сказку рассказывать, приходите слушать. И запомните: что бы он ни сказал, вы дружно говорите, что, мол, уже слышали.

Пришел парень и на третий день, как обещал. Царь уже навстречу ему стул несет.

Начинает парень сказывать:

— Когда твой отец и мой отец по соседству царствовали, то твой отец взял у моего отца в долг сорок бочек золота — на сорока лошадях везли. Слышали про это?

Царедворцы, помня царский наказ, хором закричали:

— Слышали!

— Ну, раз слышали, — сказал парень, — так отдавай, царь, долг!

И пришлось царю золото отдавать. Ведь все подтвердили, что он должник! Стали золото собирать, всю казну выскребли, а всего одну бочку набрали.

Забрал парень золото и уехал. А у царя с той поры пропала охота сказки слушать. Вот как парень царя проучил!

notes

Колосники — жерди, на которых сушатся снопы.

Ножны — чехол для ножа.

Курик — колотушка из отесанного полена, применяемого при колке дров.

Хийси — по древним верованиям карел — мифический хозяин леса, который якобы мог менять свой облик, но чаще всего выступал в образе древнего старика. Позднее Хийси стали отождествлять с чертом.

Локоть — старинная мера длины, примерно 50 сантиметров.

Ахкиво — легкие санки в виде лодочки, которые охотник брал с собой в лес.

Калитки — ватрушки из пресного теста.